НОЯБРЬ 1922 г. № 17—20.

Редакція и главная к-ра журнала (Пера, ул. Мектебъ, 26) открыты по четвергамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 1 — 3 ч. дня, когда принимаются рукописи и объявленія. Непринятыя рукописи уничтожаются. Тарифъ объявленій: за помѣщеніе въ одномъ № журнала--1/1 стр.—35 лиръ; 1/2 стр.—20 лиръ; 1/4 стр. 12 лиръ. 1/8 стр. 650 піастр. 1/16 стр. —4 лиры; 1/32 стр. — 2.50.піаст. Въ нѣсколькихъ номерахъ по соглашенію.

La Rédaction et le Bureau principal du Journal (Péra, rue Mekteb. 26) sont ouverts les Jeudis, Vendredis et Samedis de 1 à 3 h. de l'après-midi pour la réception de manuscrits et d'annonces. Les manuscrits refusés sont anéantis.

TARIF DES ANNONCES:
Pour une publication dans un N°
1/1 page 35 Ltqs. 1/2 p. 20 Ltqs. 1/4 p. 12 Ltqs. 1/8 p. 650 prs.
1/16 p. 4 Ltqs. 1/32 p. 250 piastres.
Dans plusieurs N^{os} consécutifs à forfait.

*

*　　*

О, Петербургъ, могильщикъ величавый,
Гульливый тать, въ прозваньи «Петроградъ»!..
Всѣ дни твои тяжелыя забавы,
Твой зычный крикъ — взволнованный набатъ...

Въ неистовствѣ, въ безпамятствѣ свергая,
Смыкая грозныя каррэ, —
Смирился ты предъ мощью Николая
И на колѣняхъ ползалъ въ Декабрѣ...

Ты слышалъ все: и Павла вопль послѣднiй,
Въ рѣзной тѣни разбуженныхъ аллей, —
И благовѣстъ кощунственной обѣдни
На игрищахъ Петровскихъ ассамблей...

И такъ стоялъ до дней недавнихъ Марта,
Эпитимью лукаво претѣрпѣвъ, —
Пока тебя — своей крапленой картой
Не билъ безсмысленный и буйный гнѣвъ.

...Теперь ты радъ, убiйца трижды клятый?
Ты каялся и лгалъ и льстилъ не зря?
Опомнись же надъ бездною разъятой:
Четвертаго ты умертвилъ Царя!

Д. СОБОЛЕВЪ.

НАШИ ЗАДАЧИ

Подъ знакомъ новыхъ надеждъ и чаяній мы приступаемъ къ продолженію изданія нашего журнала «Наши Дни». Хочется вѣрить, что это совпаденіе не случайное.

Уже два года нашего сидѣнія на рѣкахъ Вавилонскихъ, два года вынужденнаго молчанія и бездѣйствія и только въ концѣ этого второго темнаго года — донеслась и до насъ вѣсть, свѣтлая вѣсть о приближеніи Воскресенія Россіи.

Правда, все это только благія вѣсти, смыслъ которыхъ не многими здѣсь усваивается, такъ онъ многозначителенъ и чрезвычайненъ по своему содержанію; но одно уже хорошо, что снова предъ лицомъ всего міра Русскій проклятый вопросъ поднятъ въ такихъ формахъ и перспективахъ и поднятъ такимъ человѣкомъ, который больше всѣхъ имѣетъ право на это.

Событія чрезвычайной важности.

Не будемъ гадать и забѣгать впередъ, время — этотъ удивительный чертежникъ, самъ дорисуетъ и выведетъ тѣ намѣченные контуры нашего государственнаго быта, на который властно указываетъ и сама жизнь.

Нужно только быть сугубо внимательнымъ и честнымъ, не бояться чужихъ „авторитетныхъ голосовъ", какъ слѣва, такъ и справа, а чаще прислушиваться къ единственному вѣрному голосу — это голосу своего сердца и совѣсти и тогда не будутъ страшны никакія испытанія и запугиванія.

Пора, кажется, знать, что на Россію нельзя смотрѣть простымъ глазомъ, это простительно «просвѣшеннымъ иностранцамъ»; потому что у Россіи и свои особенные пути и своя особенная «стать», которые не измѣряются партійной близорукостью.

Если вы хотите Россію, такъ говорите откровенно, какой вы ее хотите видѣть.

Какой она была до революціи, мы знаемъ, какой ее сдѣлали теперь — тоже извѣстно; такъ что же — для васъ мало этихъ опытовъ?

Идетъ день за днемъ, а съ нимъ уходятъ и «частицы нашего бытія».

Кто остановитъ ихъ вѣчный бѣгъ?

— Никто.

Что принесетъ намъ завтрашній день?

— Мы не знаемъ.

А такъ какъ, запечатлѣть ихъ необходимо, какими бы они не были, то мы и беремъ на себя смѣлость посильно служить этому собиранію «мятежныхъ и волнующихъ дней», собиранію ихъ значенія и внутренняго содержанія — на страницахъ нашего журнала, вотъ почему прежде всего «Наши Дни» и будутъ отраженіемъ нашей дѣйствительности; литературнымъ зеркаломъ нашихъ зарубежныхъ дней.

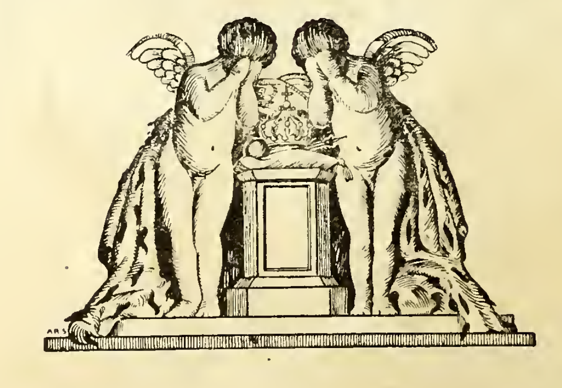
Какъ бы мы ни хотѣли быть только «литературными», жизнь, все равно, заставитъ и насъ слушать ее вѣчную поступь и отвѣчать на ея проклятые вопросы, загораться свѣтомъ ея борьбы и стремленій.

Поэтому и вопросамъ нашего государственнаго строительства будетъ отдано должное вниманіе въ нашемъ журналѣ.

Съ вѣрою въ нашу Русскую Россію — Россію Пушкина, Гоголя, Достоевскаго и съ надеждой на вниманіе нашихъ читателей, мы приступаемъ къ святому и великому дѣлу скромныхъ лѣтописцевъ — пусть все еще суровыхъ, но все же уже «Нашихъ Дней», чьи зори начинаютъ уже просвѣтляться.

Съ новой зарей.

Съ новымъ привѣтомъ.

ВЪ ЭЮБѢ.

(Разсказъ С. Корнилова).

Встань и... иди.

I.

Уходили послѣдніе августовскіе дни. Деревья обезсиленныя за лѣто солнцемъ, мѣстами уже подернутыя золотомъ, принимали тотъ грустный и увядающій видъ, что такъ знакомъ начальной осени.

Съ моря уже чаще и чаще доносился тревожный холодокъ; раньше, и какъ то печальнѣе переступало и солнце земную черту — наступали прохладные синіе, синіе вечера. А тамъ впереди еще мокрая, съ пронизывающимъ вѣтромъ, негостепріимная зима; много еще томительныхъ, неласковыхъ ночей иа чужбинѣ.

Прошло уже лѣто, отогрѣвъ своимъ свѣтомъ усталое сердце русскихъ бѣженцевъ, и тихими шагами подходитъ печальная осень.

Правда, на улицѣ Константинополя все еще суетится и куда то торопится разношерстная толпа, все еще и оглашенная американская матросня по своему веселится, развлекаясь обычными боксами; такъ же мечутся изъ стороны въ сторону нарядные автомобили; крикъ, возгласы, гудки, свистки — все это царитъ надъ отвратительнѣйшей по своему безвкусію — Пера, какъ будто ничего не случилось и случиться не могло.

До чего всюду и всегда одинакова городская толпа — бездушная, безликая, безмозглая. Но дальше, дальше отъ толпы, отъ ея непреодолимой пустоты, — пусть въ одинокость, въ безисходную печаль... сердце слишкомъ устало отъ безсмысленнаго шума и надоѣдливаго уличнаго гула; сердце ищетъ покоя и утѣшенія.

А дни наступили какіе то сложные, непредвидѣнные негаданные.

Хочется въ нихъ разобраться, проникнуть въ ихъ тайну, въ ихъ волнующій, но все еще скрытый смыслъ.

Шумитъ и реветъ нарядная Пера — смѣсь грубости и пошлости, и странно сквозь этотъ гулъ и ревъ надрывающійся голосъ газетчика бросаетъ свое многозначительное:

Манифестъ... Манифестъ...

Настораживаюсь. Ничего не понимаю. Что то слишкомъ многозначительно.

А толпа гудитъ и заглушаетъ все...

Съ какой то лихорадочной поспѣшностью пробѣгаю газету, и все становится яснымъ и понятнымъ.

Свершилось.

Ну, а дальше... дальше что?

Быстро пробираюсь сквозь плотную шеренгу безразличной толпы, не видя и не замѣчая никого,

Что то еще необъятное, невыразимое охватило мое существо, и такъ захотѣлось къ близкимъ и роднымъ, чтобы вмѣстѣ помолчать о свершившемся, о негаданномъ.

Быстро прохожу въ знакомую улицу, нахожу знакомую дверь и стучусь.

Открываютъ.

— Господинъ Инсаровъ дома?

— Дома... у себя.

Такъ же быстро поднимаюсь наверхъ и вѣтромъ влетаю въ комнату своихъ друзей.

— Что съ тобой? — переспросилъ удивленный Дмитрій Инсаровъ.

— Ничего... — фальшиво оправдываюсь — хочется воспользоваться хорошимъ вечеромъ и утащить васъ куда нибудь за городъ, подальше отъ этого шума... Какъ ты находишь?

— Отлично, — быстро согласился Дмитрій, и мы втроемъ вышли на улицу.

По моему крайне упорному настоянію былъ избранъ любимый мой уголокъ — благословенный Эюбъ, чья тишина была особенно мнѣ близка и гдѣ я столько разъ въ одиночествѣ предавался мечтамъ о невозвратной Россіи.

Нѣсколько минутъ плаванія на ширкетѣ и мы въ очаровательномъ предмѣстьѣ, гдѣ послѣднее успокоеніе нашла себѣ и Азіадэ.

II.

Дмитрій Инсаровъ — даровитый и искренне влюбленный въ византійскій Царьградъ художникъ и его новый пріятель Князь Далицынъ, бывшій дроздовецъ — были на этотъ разъ мрачнѣе обыкновеннаго.

Ни волшебный замокъ надъ Золотымъ Рогомъ, ни очаровательныя перспективы минаретнаго Стамбула ихъ не тронули.

Молча прошли мы по главной улицѣ Эюба, какъ то не сговорившись даже, прошли той дорожкой, что приводитъ въ эюбское кладбище.

Надгробные камни съ надписями на непонятномъ языкѣ, высѣченныя изъ камня фески, черныя тѣни нищихъ турчанокъ — все это такъ соотвѣтствовало нашему общему настроенію, что мы долго не рѣшались нарушить святое безмолвіе кладбища.

Да и къ чему слова... Слушать тишину — немногимъ дано, а словами не пріоткроешь ея тайны...

Изъ подъ ногъ моихъ быстро проскользнула небольшая сѣрая ящерица. Славная, пугливая. Тоже вѣдь дыханіе Божіе и живетъ себѣ, ползаетъ, знаетъ свое мѣсто, а человѣкъ?...

Безумный ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой...

Блеснулъ послѣдній лучъ заката по безмолвному зеркалу Золотого Рога, — и стало еще тише и непорочнѣе на землѣ; прошелестѣлъ по кустарникамъ кладбища вечерній заблудившійся вѣтерокъ, — и на душѣ стало какъ то тревожно и боязно.

Синѣли сумерки, переходя въ лиловатый легкій дымокъ.

Было тихо, тихо, какъ бываетъ только на кладбищѣ, и даже храбрый Дмитрій не вынесъ этой тишины и какъ то мечтательно обратился ко мнѣ.

— Въ такія минуты хорошо умирать... никто не нарушитъ твоего прощальнаго вздоха... закрылъ глаза... и уснулъ... Надолго... вѣчно...

— Что это вдругъ такія мрачныя думы, — процѣдилъ князь Далицынъ, смотря куда то въ даль.

— Да, вспомнилось многое за эти нѣсколько безмолвныхъ мгновеній; а что тамъ дома кто нибудь вспоминаетъ о насъ, какъ ты думаешь?

— Важно то, что мы вспоминаемъ, — прервалъ я Дмитрія, и вспоминаемъ ласково и нѣжно...

А у меня другое не выходитъ изъ головы, — какъ то ободрившись, вставилъ князь. — Вы конечно, читали... газеты... странно какъ то все... еще не усвою никакъ себѣ... этотъ манифестъ.

— И всего непонятнѣе, — продолжалъ, уже волнуясь, князь. Это отношеніе русскихъ бѣженцевъ къ нему: не то безразличіе, не то непониманіе того, что произошло.. и только порадовала и умилила меня одна женщина на улицѣ, уже пожилая, которая, читая газету тихо и сдержанно плакала, а потомъ, дочитавъ до конца, посмотрѣла вокругъ себя и . . . быстро, быстро. . . перекрестилась.

—Да, согласился и Дмитрій, —это вотъ самое настояшее отношеніе къ манифесту: женшина какъ то вся, со своимъ изболѣвшимъ сердцемъ, ушла въ эти благовѣстительные слова . . . слезой ихъ омыла и освятила смыслъ ихъ молитвой, стыдливымъ крестомъ. Какъ мы всѣ отвыкли отъ всего чистаго и свѣтлаго... огрубѣли и огрубили сами свою жизнь. Представляю себѣ, какъ начнутъ теперь издѣваться, поносить этотъ манифестъ тѣ для кого здравый смыслъ навсегда утраченъ и замѣненъ партійной схоластикой, кто, благодаря своей душевной вывихнутости, даже въ прекрасномъ видитъ безобразный смыслъ. Горше всего, что для такихъ уже нѣтъ спасенія. То чего я боялся и о чемъ не хотѣлъ говорить, стало близкимъ и понятнымъ, потому что тотъ, кто говорилъ объ этомъ, чувствовалъ всю отвѣтственность того, о чемъ говорилъ и стыдливо, осторожно подошелъ къ этому знаменательному событію. Съ этими можно договориться, подумалъ я и также принялъ участіе въ разговорѣ.

—Не правда ли странно все... я нарочно упросилъ васъ отправиться за городъ, чтобъ здѣсь спокойнѣе и въ одиночествѣ помолчать о томъ тайномъ, что сейчасъ совершается. Иногда такъ необходимо помолчать вслухъ, но, видно — и сказать иногда надо, особенно, когда люди говорятъ сердцемъ, словами боли и любви, когда сознаютъ всю святость и непорочность сказаннаго. Я не знаю также, какъ будутъ реагировать на этотъ манифесть всѣ политики, партійныя содержанки, да — для меня это необязательно, а отъ политики всегда пахнетъ кровью и краденными деньгами. Россія не мѣсто и не арена для всякихъ партійныхъ опытовъ, а священный храмъ, лучезарныя двери котораго временно оскорблены грѣшниками.

Черезъ партіи, черезъ личную интересованность, черезъ головы всѣхъ безумныхъ и незчастныхъ брошенъ свѣтлый и молитвенный призывъ: Россія гибнетъ, значитъ — погибнемъ и мы. Надо спасать Россію. Кто противъ этого, тотъ желаетъ смерти ея. Кто еще не очистился отъ словеснаго блуда въ тяжеломъ изгнаніи, тому не мѣсто будетъ въ воскрешаемомъ храмѣ.

Колѣнопреклоненные, пріобщенные чистой и искренней молитвѣ, можетъ быть тамъ — у себя дома поймемъ, наконецъ свои грѣхи и тотъ ужасъ человѣческаго беззаконія, которому вольно или невольно мы способствовали всѣ . . . Но не объ отомщеніи будемъ молить. но о раскаяніи неразумныхъ и заблудшихся . . .

Послѣднія мои слова самому мнѣ показались какими то странными и пугливыми. Впрочемъ, чѣмъ же объяснить Россійское столпотвореніе, какъ неразуміемъ и заблужденіемъ тѣхъ, кто сталъ коверкать наши историческія дороги и исконные пути.

Дмитрій и князь, погруженные въ свои думы, молчали, но казалось, что и ихъ тревожило что-то.

Молчаливое кладбише стало вдругъ холоднымъ и страшнымъ. Можетъ и мертвые услышали нашу русскую боль и притаились подъ землей, боясь нарушить земную долго — терпѣливую скорбь живыхъ.

За этимъ волненіемъ и безпокойными воспоминаніями мы совершенно не замѣтили времени и только случайно догадались, что послѣдній ширкетъ уже отошелъ и мы три русскіе, заброшенные судьбой на чужбину, одинокіе задвигались между выступающихъ могильныхъ камней и словно тѣни какія-то молча стали спускаться къ мечети.

Каждый шагъ нашъ слышенъ былъ въ глубокой и темной тишинѣ. Было такъ до страха тихо, что я даже слышалъ біеніе сердца, идущаго рядомъ со мной Дмитрія. О чемъ думало въ это время его сердце, я не знаю, но мнѣ показалось, что въ этотъ мигъ между нами родилась какая то лучезарная связь. закрѣпленная одной и той же болью о Россіи, которую мы носимъ уже долго въ своемъ сердцѣ.

Пусть хоть мертвые услышатъ и поймутъ насъ живыхъ и простятъ намъ за невнимательное отношеніе къ ихъ вѣчному успокоенію.

III.

То, что мы пропустили и послѣдній ширкетъ и не замѣтили быстро бѣгущихъ минутъ — оказалось не только не непріятнымъ, а, наоборотъ, какъ то соединило, сплотило насъ и направило наши желанія къ одной цѣли: задержаться еще въ какой нибудь турецкой чайной и отдохнуть отъ назойливой Пера. Больше всѣхъ на этомъ настаивалъ кн. Далицынъ. Чувствовалось, что имъ не все сказано и по его интонаціи голоса, мнѣ казалось, что я даже узнавалъ и новыя мысли, бродившія въ его головѣ и слышалъ новые взлеты его разбуженнаго сердца.

А такъ какъ Эюбъ — священное мѣсто для турокъ, то здѣсь не принято безъ дѣла долго разсиживаться, хотя бы и за чаемъ, вина здѣсь и въ поминѣ нѣтъ, то мы и рѣшили, хотя бы и на короткое время, обосноваться въ первой попавшейся намъ чайной. Такъ и сдѣлали.

— Эфенди, учъ танэ чай, съ достоинствомъ произнесъ князь, когда мы усѣлись на крохотныхъ табуреткахъ.

— Пэки — отвѣтилъ кафеджи, и черезъ нѣсколько минутъ пріободрилъ насъ всѣхъ чудесный и родной запахъ чая и удивительно — ласковая подача его туркомъ.

Разговоръ нашъ быстро возобновился, но уже имъ завладѣлъ, главнымъ образомъ — дроздовецъ, въ чьей раненой груди сердце еще не устало жертвовать собой. Было какъ то, съ одной стороны — одиноко среди чужихъ, непонимающихъ насъ турокъ, а съ другой — уютно и ласково, потому что мы были слишкомъ предоставлены сами себѣ.

— Вотъ вы, глубоко штатскіе люди, отпивъ чая, заговорилъ князь, — вы никогда не поймете, никогда не оцѣните того главнаго, что для насъ военныхъ, заключается въ этомъ манифестѣ. Вы, можетъ быть и очень правильно по своему, отнеслись къ словамъ, начертаннымъ въ немъ, но самыя слова и дыханіе ихъ ускользнуло отъ васъ, по той простой причинѣ, что вы не знаете, что такое смерть; а если и знаете, какъ умирали люди, то только изъ книгъ или со словъ очевидцевъ, а если бы вамъ самимъ довелось заглянуть въ глаза жадной смерти, вы, можетъ быть, тогда и иначе думали бы и, можетъ, скорѣе бы меня поняли. Я даже скажу вамъ самую ужасную нелѣпость, конечно, съ вашей штатской точки зрѣнія.

Господа, — я солдатъ, семнадцать разъ раненый, не претендую на логичность. Я разучился, а вѣрнѣе пересталъ читать. Мнѣ, насмотрѣвшемуся въ глаза смерти и надышавшемуся ея смраднымъ запахомъ, мнѣ уже нечего читать и нечего узнавать. Новаго все равно никто ничего

не скажетъ и не напишетъ. Я видѣлъ и слышалъ то, чего вы не вычитаете ни въ одной самой геніальной книгѣ. Такъ вотъ, я и утверждаю. Сейчасъ имѣетъ право больше всѣхъ говорить тотъ, кто имѣлъ безконечное общеніе съ смертью, кто своей грудью защищалъ васъ всѣхъ, любящихъ поговорить о высокихъ матеріяхъ. Припомните математику. Это очень полезно для васъ: и вы узнаете, какъ было немного насъ, кто ставилъ честь Россіи выше всего на свѣтѣ и какъ было много разговаривающихъ о достоинствѣ ея.

И что сдѣлали съ нами?

Одни продавали, другіе — предавали, третьи безпутствовали и пьянствовали, а четвертые, пользуясь этой распродажей Россіи оптомъ и въ розницу, добивали насъ безумныхъ и храбрыхъ. Что изъ этого вышло, вы только узнали на берегахъ Босфора, а что бы изъ этого вышло, если бы... Господи, какія мечтанія... если бы у Харькова раздались эти благовѣстительные слова Не въ Москву, а за Россію...

Россія была бы спасена. Не генераломъ ее возьмешь, а народнымъ царемъ, который выше всякой личности, и значитъ выше эгоистическихъ стремленій и генеральскихъ обидъ... И не смотря на всѣ эти безумія и ужасы, мы все таки дрались долго и не смѣнно, потому что мы хотѣли Россію, мы любили ее. Не наша вина, если на ея несчастіи нѣкоторые строили свое благополучіе. Мы — рядовые здѣсь не причемъ. У насъ въ военной средѣ, вытравили самое цѣнное для солдатъ — смыслъ героизма и замѣнили безсмысленностью какихъ то непонятныхъ личныхъ обидъ штабныхъ стратеговъ.

А во имя чего насъ посылали, мы до сихъ поръ этого не знаемъ. И вотъ когда теперь просто и ясно говорятъ мнѣ: ты солдатъ, охранитель чести и достоинства Россіи, потому то къ тебѣ и обращается охранитель престола.

— Будь на готовѣ. Родина этого требуетъ. И это мнѣ понятно и за этимъ я пойду, когда угодно и куда угодно.

Я опять ухвачусь тогда за этотъ единственный смыслъ своей жизни и бытія Россіи, безъ котораго она обращена въ груду развалинъ... Вы меня понимаете, — вдругъ обратился къ намъ взволнованный дроздовецъ, слушавшимъ его съ трепетнымъ вниманіемъ.

— Да, дорогой, — я слышу всю вашу боль и всю вашу правду, но какъ сдѣлать, чтобы и другіе это поняли.

Очень просто... Нужно стать прежде всего русскмъ человѣкомъ, и разъ навсегда помнить: безъ Россіи — ты ни что и никому не нуженъ, а чтобы была Она, надо итти за тѣмъ и отдать свои силы Тому, кто первымъ символомъ вѣры поставилъ:

— Спасайте Россію...

То, что казалось дроздовцу такимъ простымъ и яснымъ, я не совсѣмъ себѣ хорошо усвоилъ, но понялъ, что правда на его сторонѣ.

Человѣкъ съ 1914 года, охранявшій честь Россіи имѣетъ преимущество передо мною то, что онъ Ее — Россію любилъ больше своей жизни, и потому, что любилъ, отдавалъ Ей все самое цѣнное — свою жизнь.

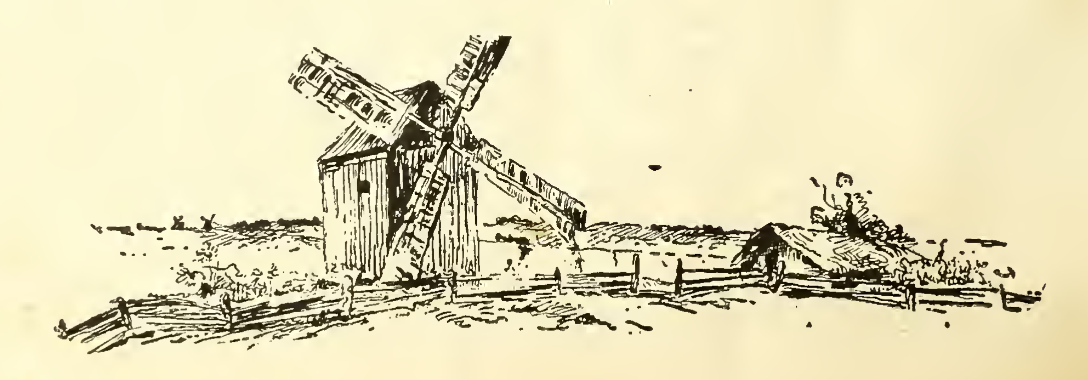
Если бы мы всѣ также полюбили Россію, какъ онъ, и полюбивъ, отдали бы всего себя на жертвенное служеніе ей, то не могло бы быть никакого разговора о Ея гибели.

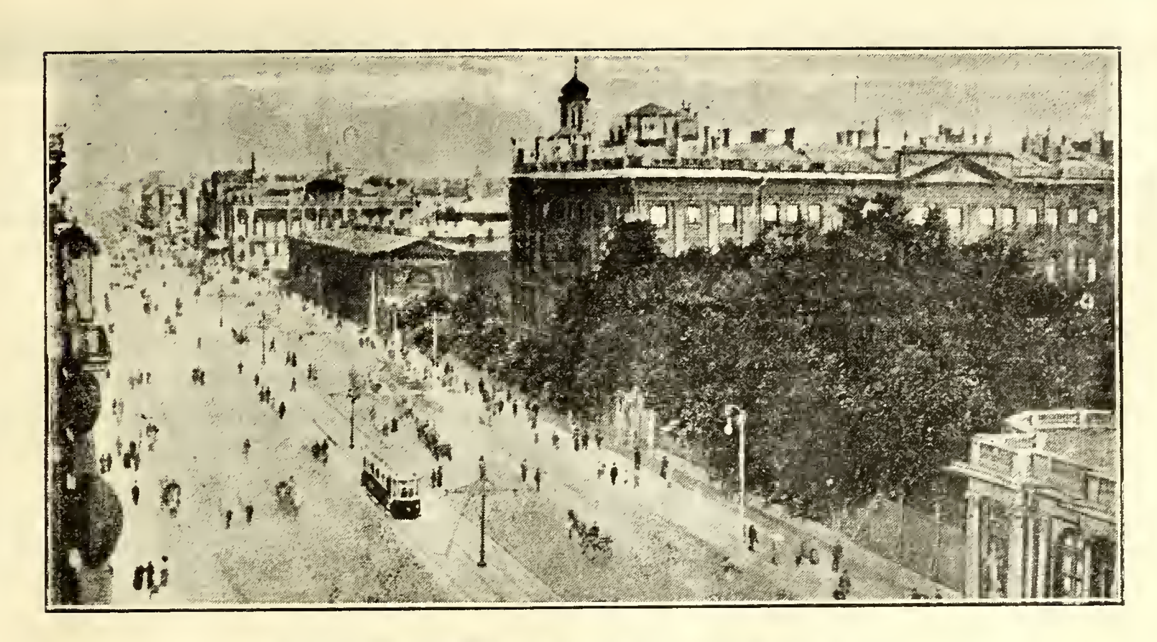
Надо любить Россію... надо этого всѣмъ существомъ хотѣть, — это я понялъ и еще разъ убѣдился въ томъ, что къ этому то и зоветъ насъ всѣхъ — русскихъ, манифестъ...

Долго, долго еще говорилъ дроздовецъ, но изъ всѣхъ имъ сказанныхъ съ неподдѣльнымъ волненіемъ словъ, я только слышалъ и понялъ одно:

— Надо любить Россію.

СЕРГѢЙ КОРНИЛОВЪ.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ

Вы помните, господа, Невскій Проспектъ?

Вотъ въ томъ то и дѣло, что не помните!

Онъ давно потерялся въ вашей памяти, запутавшись въ Friedrichstrasse, Boulevard des Italliens а то и просто въ скверныхъ закоулкахъ Péra.

А вспомните!

Вспомните — въ хорошій январскій вечеръ, когда вы сидя въ удобныхъ, затянутыхъ полостью саняхъ, мчитесь къ Ballet, за конфектами для Татьяны.

Помните, какъ по старушечьи, скрипучимъ шепоткомъ, полозья вашихъ саней скользятъ по сверкающему снѣгу?

Помните этотъ ровный, матовый, благородный свѣтъ большихъ электрическихъ фонарей?

Правда, недурно?

А иностранцы еще смѣютъ говорить, что мы не любимъ уюта, комфорта!

Да развѣ нѣтъ уюта въ этой топорщащейся словно разсердившейся на весь міръ, медвѣжей полости, такъ тяжело и тепло лежащей у васъ на колѣняхъ.

Развѣ не комфортабеленъ этотъ искристый снѣгъ, волнистыми побѣгами разбѣгающійся отъ трамвайныхъ рельсъ къ тротуарамъ?

Скажете на Avenue d' Opera въ Автомобилѣ лучше?

Ну и врете, себѣ же врете!

Хорошъ комфортъ, когда счетчикъ словно memento mori отсчитываетъ пренагло ваши деньги и вы каждую минуту рискуете разбиться о первый попавшійся фонарный столбъ,

А тутъ ѣдешь себѣ да ѣдешь и только слышишь поцмокиваніе возницы да легкіе покрики — «но, милай».

Хочешь — кланяешься знакомымъ, ручкой дѣлаешь, не хочешь — поднялъ воротникъ выше головы и нѣтъ тебя.

Тогда у всѣхъ пальто съ мѣховыми воротниками были!

* * *

Да, забыли вы, Господа, Невскій Проспектъ, а если бы помнили, такъ навѣрно не теряли бы теперь времени на безполезные разговоры, какой Россіи строй нуженъ — монархическій или республиканскій.

За васъ давно на этотъ вопросъ Невскій проспектъ отвѣтилъ!

Нѣтъ въ этой улицѣ угрюмой аристократичности хорошаго выѣздного, ну вотъ, какъ у Морской улицы.

Тамъ одинъ Фаберже на васъ почтительный страхъ наводитъ своей загадочной безвывѣсочностью и зелеными бризбизами.

Нѣтъ въ ней и эсдековщины Большого проспекта Петербургской стороны, эсдековщины россійскаго образца, выползшей изъ гимназической коротенькой юбочки и стыдливо затерявшейся въ широкой рабочей рубахѣ, предварительно потершись о студенческую косоворотку.

Тутъ вамъ и Казанскій соборъ, монументальный солидный, симметричный.

Никто не подумаетъ, что онъ много лѣтъ спокойно смотрѣлъ, какъ на его площади городовые порядокъ наводили...

Тутъ вамъ и Публичная библіотека, просвѣ-

щенная, вся пропитавшаяся книжнымъ запахомъ...

Здѣсь и Гостинный дворъ съ его углами и закоулочками, съ его—« У насъ безъ запроса—съ» и « чего изволите-съ».

Тутъ и Аничковъ дворецъ...

Да что, господа, а забыли развѣ, тутъ же и «Квисисана», гдѣ брвсишь монету, и всякая дрянь тебѣ прямо на тарелочку выскакиваетъ...

* * *

Вотъ теперь и подумайте!

Гдѣ это въ мірѣ вы на одной улицѣ и Аничковъ Дворецъ и Казанскій соборъ, Гостинный дворъ и «Квисисану» найдете?

Нигдѣ, господа, нигдѣ!

Вотъ и строй намъ такой нуженъ, — чтобы все сразу было: и монументальность Казанскаго Собора и благоприличіе Аничкова дворца и просвѣщенность Публичной Библіотеки и дешевка «Квисисаны»!

Все сразу!

Трудно? Вотъ въ этомъ то и штука!

Спросите. какой это строй? — Россійскій, самодѣльный, кустарный, нами слаженный!

А хорошо бы проѣхаться по Невскому проспекту?

Вотъ сначала придумайте тогда и поѣдемъ!

Лори.

СТРАШНАЯ ПѢСНЯ

Въ пьяномъ чаду фабричнаго кабака, въ затхломъ плесневѣломъ сивушномъ угарѣ родилась страшная пѣсня.

— Ножъ дикой расправы полоснулъ ее...
Матерное ругательство ее благословило...
И пошла пѣсня по всей Руси...
Страшная, разухабистая, похабная...
И залила она Русь, заклокотала, зашумѣла и звонко фальшивя и ломаясь полилась визгливымъ, наглымъ надорваннымъ хохотомъ:

« Ой ты яблочко, да куда котишься »...

* * *

Страшная ночь встала надъ Россіей...
Раскинула крылья свои и остановилась...
Ни впередъ, ни назадъ...
Заслонила солнце, потушила звѣзды, согнала луну съ неба.
Черная, неподвижная...
Только гулы идутъ по землѣ
Перекатываются...
Только глаза у ночи блестятъ
Налитые кровью, тяжелые, вѣщіе...
Мѣрно поворачиваетъ голову
Къ гуламъ прислушивается:
Гудитъ Русь...
Кровь въ ея жилахъ переливается
Клокочетъ...
Бурлитъ...
И слышится въ гулѣ этомъ тупомъ, обрывно — тяжкомъ, что кто — то воетъ:

« Ой, ты яблочко, да куда котишься »...

* * *

— Бѣгутъ люди съ войны...
Оборванные, голодные, богатые...
На крышахъ вагоновъ...
На паровозахъ...
Штыками очищаютъ себѣ мѣсто...
Падаютъ на рельсы раздавленные...
Бѣгутъ съ полей сраженій...
Съ широко раскрытыми, безумными глазами
Домой въ родныя села...
По дорогѣ нападаютъ, грабятъ и снова бѣгутъ...
Раздразненные, словно быки
Насилуютъ, истязаютъ...
Во имя „свободы"
Грабятъ усадьбы, жгутъ амбары...
Во имя „Революціи"..
Пьяные, разнузданные, озвѣрѣвшіе орутъ:

« Ой, да яблочко, куда котишься ».

* * *

— Плачетъ мать...
— Плачетъ по мальчикѣ кадетѣ...
Бросили его въ паровозную топку...
Ногами впередъ...
Чтобы медленнѣе...
Пусть погрѣется"
Плачетъ мать святыми слезами...
А надъ ней несется Русь...
Страшная, невиданная...
Словно легіонъ бѣсовъ...
Вся словно расплывшееся громадное кровавое пятно...
Вся замызганная...
Простоволосая...
— Богохульная...

Словно море грязи, въ которомъ сплелись въ великой злобѣ человѣческія тѣла...
А надъ моремъ этимъ виситъ безстыдная, пьяная пѣсня и мѣшается съ жемчужно-чистыми слезами матери:

«Ой, да яблочко, куда котишься»...

* * *

Пронесется страшный смерчь, крутящійся надъ Россіей...
Уйдетъ въ безконечность...
И унесетъ съ собой ненависть, разгулъ окровавленной злобы.
— И погаснутъ слезы...
И уйдетъ ночь... И потухнутъ глаза ея налитые соблазномъ братоубійства...
Съ ней вмѣстѣ пропадетъ и проклятая пѣсня съ ея напоенымъ безконечнымъ страданіемъ надрывомъ.
Уйдутъ, сгинутъ звуки, висѣвшіе такъ долго надъ Россіей...
Згинутъ безъ слѣда...
И никто никогда не вспомнитъ...
Страшно будетъ...
Подумать...

«Ой, ты яблочко, да куда котишься»...

Борисъ Елагинъ

НА ЧУЖБИНѢ

Я здѣсь одинъ. На что мнѣ и свобода,
Безъ родины, безъ близкихъ, безъ друзей?
Не шевелитъ роскошная природа
Завѣтныхъ струнъ въ больной груди моей!..

Мои глаза печальны и усталы,
Мои мечты угрюмы и грустны, —
Какъ шумъ волны, дробящейся о скалы,
Какъ блѣдный лучъ трепещущей луны.

Восторги всѣ увять уже успѣли,
Когда кругомъ все зелень, все цвѣты...
О, гдѣ же вы, сугробы и мятели?
Моя любовь, откликнись, гдѣ же ты?

Пусть здѣшнихъ мѣстъ и въ мірѣ нѣту краше,
Пускай здѣсь шумъ, и радости, и свѣтъ...
Но счастье тамъ, гдѣ было счастье наше:
Мой край родной, тебя милѣе нѣтъ!

За санный путь, просторъ нашъ благодатный,
За сосенъ рядъ, за русскій нашъ морозъ —
Отдамъ сейчасъ и воздухъ ароматный,
И кущи пальмъ, и всѣ букеты розъ!

Пойми: я здѣсь по странной лишь ошибкѣ.
Такъ жизнь моя безсмысленно течетъ...
Къ твоимъ ногамъ, къ одной твоей улыбкѣ.
Меня судьба таинственно влечетъ...

О, муку мнѣ не вынести такую!
Я силы лучшія души моей топчу...
Я здѣсь одинъ... Ты видишь, я тоскую...
Тебя одну... одну Тебя хочу!

С. К.

ПОЦѢЛУЙ ЧЕРЕЗЪ ВУАЛЬ.

(Разсказъ Г. Рыбинцева)

Но ничего печальнѣй нѣтъ,
Какъ встрѣча двухъ смертей.

Русское населеніе Парижа осенью 1921 года было сильно взволнованно однимъ необычайнымъ происшествіемъ, которое досужимъ и недалекимъ репортеромъ было окрещено: „Двойное самоубійство".

На второй день, послѣ похоронъ застрѣлившагося извѣстнаго поэта Георгія Голубинцева былъ обнаруженъ охраной кладбища le Pere la shaise трупъ русской молодой женщины Лидіи Иллиной на свѣжей могилѣ поэта.

Чувствовалась во всемъ какая-то строгая и молитвенная умышленность: изумительное бѣлое платье изъ тончайшихъ брюссельскихъ кружевъ съ густымъ непроницаемымъ вуалемъ на лицѣ и что особенно странно: весь трупъ ее былъ усыпанъ свѣжими парижскими фіалками, испускавшими острый и тяжелый запахъ амбры, который такъ поразилъ чиновъ парижской полиціи, кому волею судебъ пришлось первымъ заняться отысканіемъ причинъ этой загадочной смерти.

Мнѣ, ближайшему другу и единственнному въ Парижѣ родственнику покойнаго поэта было оказано прокурорскимъ надзоромъ исключительное вниманіе и разрѣшено было также принять на себя похороны и этой таинственной покойницы.

Сначало это ихъ очень поразило, но когда за корсажемъ ея платья было обнаружено предсмертное письмо Лидіи Иллиной, подлинный почеркъ которой экспертами былъ установленъ и изъ котораго полицейскія власти узнали объ отсутствіи насильственной смерти, то уже отнеслись къ моей просьбѣ болѣе снисходительно и довѣрчиво и, кажется были рады этому случаю, такъ какъ я избавлялъ ихъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ.

Всѣ бумаги покойнаго поэта, а ихъ было два большихъ сундука, послѣ установленнаго слѣдствія были переданы мнѣ на храненіе и для дальнѣйшей передачи его роднымъ. Безумная жажда, и искючительная моя любовь къ моему другу — заставили меня прикоснуться къ его сокрытой отъ всѣхъ, тайнѣ.

Даже не вѣрилось, что его нѣтъ уже въ живыхъ, такъ какъ все еще напоминало о немъ: и любимыя его книги съ его личными помѣтками, и черновики его стиховъ и замѣтокъ, въ которыхъ никогда не умираетъ душа поэта, столько въ нихъ недосказанной боли и вѣчно животворящаго мечтанія пылавшаго сердца.

И это я особенно почувствовалъ, когда прочиталъ нѣсколько посмертныхъ его стихотвореній можетъ быть, написанныхъ дрожащей рукой за нѣсколько часовъ до ужасной кончины.

Вотъ осень тихими шагами
Пришла и стала подъ окномъ
И непонятными словами
Напоминаетъ о быломъ.

Что это была за осень и воспоминанія о быломъ мнѣ открыло одно письмо покойнаго къ его любимой сестрѣ, которая осталась въ Россіи,

написанное еще въ бытность его въ Константинополѣ. Письмо это вложено было въ траурный конвертъ и опечатано сургучемъ. Имѣлъ ли я право его вскрывать, не знаю; въ этотъ моментъ я объ этомъ не подумалъ; я слишкомъ любилъ поэта и онъ мнѣ исключительно довѣрялъ, потому то я рѣшился на это. Я знаю, все въ жизни случайно, дойдетъ ли это письмо до его сестры и гдѣ она теперь, но я рѣшилъ его переписать и при случаѣ опубликовать, какъ важный челоѣческій документъ и такимъ образомъ, передать его въ вѣчность.

Можетъ быть, это письмо сниметъ съ именъ покойныхъ тотъ ненужный налетъ удивленія и насмѣшки, съ которымъ многіе подходили къ ихъ послѣднему успокоенію, чтобы отдать дань вниманія живыхъ мертвымъ, и можетъ, такъ названное „двойное самоубійство“ заставитъ и насъ быть слишкомъ осторожными и стыдливыми въ своихъ сужденіяхъ.

Стамбулъ.
1921 года. Сентябрь.

Милая... милая Катя.

... Не знаю, дойдетъ ли до тебя вотъ это мое письмо, но чувствую, что написать надо и написать только тебѣ, потому, что ты одна еще только понимаешь меня, ты одна, кто всегда мнѣ напоминаетъ нашу дорогую покойную мать.

Ни одну разлуку я не переживалъ съ такой болью, ни о комъ и никогда я такъ нѣжно и красиво не думалъ, какъ о тебѣ. Въ минуты ли самаго темнаго отчаянія, въ краткія ли мгновенія свѣтлой радости — ты всегда вставала въ моей памяти самой любимой и близкой... Много дней насъ отдѣляютъ другъ отъ друга. Но черезъ ихъ невозвратность, непроницаемую тьму я бросаю тебѣ печальный свѣтъ своего больного сердца...

А заболѣть ему было отъ чего. Послѣднія Россійскія событія... бѣгство изъ краснаго плѣна и... ссора съ Лидой, моей лучезарной болью... Ты помнишь ее — такую особенную и такую чудную; все это слишкомъ усложнилось въ моемъ одинокомъ сердцѣ и дало такую трещину, которую ни одинъ врачъ не въ состояніи задѣлать...

При встрѣчѣ, если Богъ пошлетъ, много, много разскажу объ этомъ, а сейчасъ трудно, нѣтъ подходящихъ словъ; все какъ-то расплывается, благодаря своей неожиданности и зачарованности.

Какъ многіе русскіе и я оказался на лазурныхъ берегахъ Босфора . . . Ты помнишь, какъ я мечталъ о Стамбулѣ... Объ Айя Софіи... Такъ вотъ я сейчасъ здѣсь, влюбленный въ умирающую прелесть лѣниваго Востока и въ неувядаемую, строгую красоту несравнимой Айя Софіи...

Айя Софія — это мой лучезарный отдыхъ, гдѣ я такъ часто и такъ нѣжно поминалъ въ своихъ молитвахъ и тебя, дорогая...

Но странно... со мной, незамѣтно для меня, происходитъ что-то непонятное . . . Я полюбилъ эти воздушныя тѣни зачаровывающаго Востока, очаровательныхъ въ своей недоступности, подъ вѣчымъ покровомъ, таинственныхъ незнакомокъ— сказочныхъ турчанокъ . . . И потому-то и перебрался на житье въ тихій и сонный Стамбулъ ... Почти на берегу вѣчно поющаго моря. Здѣсь долгими безсонными ночами, въ одиночествѣ я снова и снова переживалъ свою вѣчную боль ... разлуку съ Лидой... Но она была такъ неправа... А, Можетъ, по женски и права... Не знаю... Во всякомъ случаѣ, любя свою боль, я ей не повѣрилъ... И ушелъ . . ушелъ отъ нея съ ужасомъ и страхомъ за свое существованіе. . . Я съ большимъ трудомъ заставилъ себя не думать о ней, чувствуя себя въ чемъ-то самомъ главномъ, что главнѣй даже самой жизни, жестоко и несправедливо оскорбленнымъ . . . Правъ я или нѣтъ, тому судья Богъ да мои стихи... Которые я теперь такъ оберегаю; кто его знаетъ — моему сердцу суждено иное горѣніе и иное творческое искушеніе.

Ты знаешь, въ Константинополѣ, завести съ турчанкой флиртъ или романъ также трудно, какъ попасть въ гаремъ... И потому-то, можетъ, эта легендарная недоступность меня особенно волновала и укрѣпляла мои желанія... Я не знаю ихъ, не вижу даже всего лица... Но глаза, какъ два черныхъ пылающихъ алмаза часто прожигали мое сердце своимъ зловѣщимъ блескомъ страсти, обжигали своей далекостью и уплывали опять въ неизвѣстность . . .

Въ этомъ невинномъ увлеченіи я сталъ медленно, но все же съ покаяніемъ забывать образъ Лиды... Любя забывалъ . . . можетъ, это еще сильнѣе любви . . . Гдѣ она теперь? О чемъ мечтаетъ? . . Кому поручила свою пылкую и волнующую судьбу ? . .

Наконецъ, одинъ изумительный случай въ Стамбулѣ меня окончательно . . . Безвозвратно заколдоволъ . . .

Все это я относилъ на счетъ моего особеннаго счастья. которое, какъ ты знаешь, меня никогда не оставляло и которое, кажется, начи-

наетъ меня уже старить . . . Кстати, ты меня, Катюша, сейчасъ бы не узнала . . .

Я отпустилъ бороду, но усы брею, и въ ея черныхъ волнахъ свѣтятся серебрянныя нити сѣдины, которыя невольно выдаютъ мои годы... дѣйствительно странно... Мы всѣ поэты немного дѣти и фантазеры.

Но вотъ наступили дни Рамазана, т. е. турецкаго поста, который заключается въ томъ, что съ заходомъ солнца (объ этомъ оповѣщаетъ единственная турецкая пушка), турки начинаютъ усердно молиться, затѣмъ разгуливать группами по улицамъ, наслаждаться своимъ турецкимъ кофеемъ и наргиле, а послѣ 2-хъ часовъ ночи — восточнымъ ужиномъ; а весь день затѣмъ проводятъ или въ постелѣ или на подоконникахъ.

Но я любилъ эти дни. . . Какъ благочестива и строга турецкая толпа въ своихъ уличныхъ прогулкахъ, не то — что наша — шумная и безтолковая . . . Чувствуешь, какъ кажлый турокъ умѣетъ искренно наслаждаться своей лѣнью, къ которой обязываетъ этотъ самый Рамазанъ . . . Это дается поколѣніями и сидитъ у нихъ въ крови. Весь Стамбулъ становится въ эти дни неузнаваемымъ . . .

Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ приравнивали это всенародное вечернее гуляніе по улицамъ къ нашимъ стариннымъ смотринамъ невѣстъ . . .

Можетъ быть это такъ, не знаю... Но замѣчалъ, что въ эти теплые и ласковые вечера турчанки становятся нѣсколько смѣлѣе . . . Нужно быть очень осторожнымъ. . . Я даже не помню отчетливо, какъ это вышло . . . Въ одномъ изъ глухихъ Стамбульскихъ переулковъ, недалеко отъ Баязидской плошади, у меня имѣлся пріятель турокъ, у котораго я всегда «рамазанился» т. е. закусывалъ и выпивалъ нашу «Смирновку». Это онъ для меня спеціально держалъ. но скоро и самъ къ ней пристрастился и очень одобрялъ. Это одна изъ моихъ побѣдъ надъ милымъ и ласковымъ туркомъ . . .

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда мнѣ было особенно грустно и когда такъ хочется родного душевнаго тепла, а тутъ всѣ чужіе и непонятные, я немного перехватилъ этой самой «Смирновки» и пришелъ въ такое настроеніе, когда ты становишься болѣе смѣлымъ и изобрѣтательнымъ. Я невольно почувствовалъ, (а ты знаешь, я часто предугадывалъ событія), что что-то меня ожидаетъ. . . Не знаю, но это яясно помню... Но въ тоже время черезъ мою искусственную веселость и непринужденность просачивалось какое-то возбужденное безпокойство ...

Въ такомъ состояніи я вышелъ въ переулокъ и быстро направился къ самому пышному мѣсту рамазана... Было около 12-ти часовъ ночи . . . Переулокъ былъ очень глухой, не далеко отъ развалинъ . . .

Откуда-то вдругъ, словно изъ подъ земли, выросли передо мной двѣ женскія тѣни... Строгія и молчаливыя — онѣ были похожи на изваянія изъ чернаго мрамора . . . И только станъ и ихъ плавная, граціозная походка выдавали ихъ молодость и изящество.

Я рѣшился . . Я не помню, что такое сказалъ имъ въ слѣдъ, вродѣ какого-то французскаго изысканнаго привѣтствія . . . И сейчасъ же почувствовалъ, какъ задребезжало мое сердце и какой то охватилъ меня внутренній страхъ . . . И было еще непонятнѣй и неожиданнѣй для меня, когда одна изъ нихъ, та, что повыше и стройнѣе, обернулась и отвѣтила тихо, почти шопотомъ, на чистомъ французскомъ языкѣ благодарностью, но просила не безпокоиться за ихъ судьбу... Онѣ не боятся...

Въ этомъ отвѣтѣ я почувствовалъ что-то угрожающее и обласкивающее въ одно и тоже время, но боясь встрѣчи съ очень строгими и суровыми охранителями восточной чести — турками, не рѣшился ближе подойти, а издали слѣдовалъ за ними, думая такимъ образомъ узнать ихъ мѣстожительство. Прошли уже нѣсколько темныхъ и путанныхъ Стамбульскихъ переулковъ, въ нихъ такъ легко и пріятно заблудиться, и на счастье мое, я говорилъ тебѣ, что мнѣ везетъ, ни одного суроваго турка.. Ихъ я боялся, какъ чортъ ладана.

У какого-то пышнаго подъѣзда они остановились и казалось . . . Чего-то ожидали . . . Я сообразилъ и прошелъ мимо, сохраняя видъ безразличнаго прохожаго, но прошелъ, въ то же время — умышленно такъ близко, что замѣтилъ даже какія-то лукаво — черныя молніи ихъ глазъ. Кто то изъ нихъ бросилъ мнѣ въ догонку ..

— Завтра .. Въ это же время.. приходите въ эту улицу.

Я вздрогнулъ . . . въ головѣ все запуталось И сразу быстро повернулся и рѣшился на все . . Безуміе очень часто меня выручало въ жизни... Но какъ-то сразу и какъ то неожиданно для меня — распахнулась дверь и двѣ тѣни бросились на ламповый свѣтъ и также быстро захлопнулась за ними.

Ты, милая Катя, не можешь представить себѣ, что было со мной въ эту минуту. . . Если бы я имѣлъ въ своемъ распоряженіи тысячу человѣческихъ жизней, я всѣ бы ихъ безъ сожалѣнія, безъ содраганія, бросилъ къ ногамъ этихъ туман-

Распахнулась дверь и незнакомки скрылись.

ныхъ и таинственныхъ турчанокъ, чтобы только на одну секунду задержать время и сказать одно... только одно слово: Люблю...

Но время не любитъ романтики и никогда не измѣняетъ своей противной привычкѣ: ему слишкомъ некогда было, чтобы обращать вниманіе на какого-то поэта . . .

А я какъ безумный, до утра бѣгалъ по Стамбулу и только часовъ въ 12 дня предался тишинѣ и призыву безпокойнаго сна.

Что это? . . Не судьба ли? . . Не новое ли испытыніе? . . Турчанка . . . живая и недоступная. . . И назначеніе страннаго, непонятнаго мнѣ свиданія . . . И въ тоже время, какой то страхъ за будущее — не оставлялъ меня — безпокойнаго.

Медленно тянулся новый вечеръ и я съ проклятіемъ торопилъ его безразличную поступь...

Ровно въ 11 часовъ — я, какъ помѣшанный, бродилъ по вчерашнему таинственному переулку, и одна мыслъ нелѣпѣе другой, сжимала съ болью мое сердце, которое въ это время неизвѣстнаго ожиданія такъ сильно билось, что я даже боялся за его цѣлость . . . Скоро. . . Скоро — появились опять какія-то двѣ тѣни... И проходя мимо меня, одна изъ нихъ очень ловко и осторожно протянула мнѣ какой то конвертъ и сказала на ходу:

Уходите . . . Все узнаете . . .

— Что это? . . Думалъ я и бросился къ своему милому пріятелю турку, чтобъ спокойно отдаться раскрытію этой новой тайны . . . Я никогда не забуду этого волненія, которое меня охватило при чтеніи перваго письма отъ турчанки на французскомъ нѣжномъ, нѣжномъ языкѣ.

Въ письмѣ сообшалось, что она знаетъ, что я русскій. что они часто меня встрѣчали у Баязида и что имъ очень хотѣлось бы познакомиться со мной, но не знаютъ, какъ это сдѣлать, потому что турчанкамъ не разрѣшается даже разговаривать съ иновѣрцами . . .

Но въ тоже время просятъ, если я дѣйствительно искренне хочу знакомства съ ними, написать до востребованія и указали свой условный адресъ . . А пока умоляли быть осторожнымъ и не преслѣдовать ихъ, иначе все будетъ испорчено... Подпись одна... Эминэ... Милая .. Но далекая Ханымъ . . . Какъ жаль, что ты не знаешь своего эффенди. .

— Представляешь, дорогая Катя, какая охватила меня тревога . . . Что-то невѣроятное и сильно заинтриговывающее. . . Мои знанія французскаго языка первый разъ въ жизни мнѣ пригодились. . . Короче говоря, послѣ недѣльной переписки, мнѣ было назначено свиданіе у дверей кинематографа, на Пера «Люксембургъ» и указаны даже примѣты, по которымъ бы я могъ бозошибочно ихъ узнать. Впрочемъ, я ихъ узналъ бы все равно по одному тому, что они душились моими любимыми духами « Амбра » и этого было достаточно, чтобы я потерялъ власть надъ собой...

Что-то вертѣлось и кружилось подъ самую нелѣпую музыку на экранѣ, а я шопотомъ и вкрадчиво говорилъ о той радости, о томъ новомъ волненіи, которое я испытывалъ, сидя рядомъ съ ними . . . Они прнзнались мнѣ въ томъ, что ихъ отецъ былъ извѣстный Паша и что теперь они живутъ, послѣ его смерти, съ престарѣлой своей матерью, которая такъ строга, что одно ея слово приводитъ ихъ въ трепетъ, что имъ также скучно и тяжело въ своемъ одиночествѣ, и еще что-то въ этомъ родѣ. Словомъ, мы такъ неза-

мѣтно, въ нелѣпомъ положеніи просидѣли два сеанса и я почувствовалъ, что та, которая сидѣла рядомъ со мной, очень напоминаетъ всѣмъ — и манерами, и голосомъ — далекую Лиду... и даже больше, какое-то, еще неизвѣданное мной очарованіе охватило все мое существо.

О, проклятый, странный городъ, гдѣ даже любить запрещаютъ . . . Какъ было невыносимо тяжело, когда меня съ какой-то тяжелой грустью предупредили, что они должны уходить и какъ-то неожиданно женская тонкая рука потянулась ко мнѣ и что-то передала...

И когда я рѣшалъ, задержать ли эти пять обжигавшихъ меня пальцевъ, чтобъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности поцѣловать, какъ вдругъ они поднялись и съ видомъ безразличія и равнодушія оставили меня въ темномъ залѣ . . .

Опять я одинъ . . . опять письмо. . . новое испытаніе и новое волненіе... Я срываюсь также съ мѣста и завидя ихъ на улицѣ — во слѣдъ посылаю свое нѣжное благословеніе. Захожу въ первое попавшееся мнѣ кафе и узнаю все...

Она робко, какъ то по дѣтски, слишкомъ боязливо и стыдливо признается уже одна въ своей любви ко мнѣ . . . Милая Эминэ. . . Ты все таки меня видишь и слышишь, какъ зовутъ тебя мои глаза... А я — я слѣпой . . . Потому что все твое прекрасное чело скрыто отъ меня... И я невольно замечтался . . . и даже про себя рѣшилъ принять магометанство, чтобы хотя этимъ доказать свое исключительное расположеніе къ ней... Но весь ужасъ въ томъ, что наше свиданіе откладывалось на неопредѣленное время, о чемъ я буду предупрежденъ по «до востребованіе».

Прошла еще одна томительная недѣля въ одиночествѣ . . . Я уже пересталъ выходить вечеромъ на шумный и свѣтящійся Стамбулъ, не желая нарушать даннаго имъ слова . . И отъ моихъ незнакомокъ ни слова . . . Чтобы это значило? Неужели женская интрига. . . Или какой-то особенный восточный флиртъ . . Я, какъ безумный — по нѣсколько разъ на день бѣгалъ на почту, безпокойно справляясь о письмѣ и каждый разъ получалъ въ отвѣтъ спокойное, чисто чиновничье: «Екъ» — что означаетъ по русски — нѣтъ... И, сильно озлившись на всѣхъ турокъ и на весь земной міръ, рѣшилъ нѣсколько дней никуда не выходить и забыть объ очаровательномъ сновидѣніи, что посѣтило меня. . . Но хорошо сказать и рѣшить, но какъ трудно исполнить и забыть незабвенное. На второй же день, разубѣдивъ себя и надѣясь на что-то. Я снова побѣжалъ на почту . . . Невѣроятно . . . Нопостижимо... Мнѣ отвѣчалъ суровый, узнавшій меня турокъ: «Варъ . . Эффенди . . .» есть-значитъ . . . Лихорадочно разорвавъ на улицѣ конвертъ — я весь ушелъ въ него — на этотъ разъ очень большое письмо, и никакъ не могъ понять его смысла... Какіе то странные вопросы, совсѣмъ не турецкія и какіе то не то недоумѣнія, не то сожалѣнія о нашихъ встрѣчахъ. . . Робкая Эминэ спрашиваетъ меня, не любилъ ли я когонибудь и не обѣщалъ ли другой, русской — отдать свое неспокойное сердце? Серьезно ли мое чувство и чѣмъ я его могу доказать . . . Потому что. пишетъ она, кто обманетъ дѣвушку, тотъ будетъ все равно отомщенъ Аллахомъ, всевидящимъ и вездѣсущимъ . . . Странно, не смотря на всю, казалось, бы простоту, поставленныхъ мнѣ вопросовъ. чувствовалось, что ихъ продумало опытное сердце, уже познавшее горечь измѣнъ и обмановъ, — потому что отъ этого письма вѣяло какимъ то предупрежденіемъ и страхомъ . . . . Но, кто любитъ, тотъ ничего не боится. . . И въ доказательство своего искренняго и исключительнаго расположенія къ Эминэ, я присовокупилъ къ своему отвѣтному письму удостовѣреніе муллы о принятіи мной магометанства.

Ты удивишься, добрая Катя, и поразишься моему сумасбродству, — но изъ за любви къ таинственной турчанкѣ — я даже перешелъ въ лоно священное Ислама.

Не суди, узнаешь потомъ и простишь своего неугамоннаго брата.

Каково было впечатленіе отъ моего удостовѣренія на турецкомъ языкѣ, можешь судить потому, что черезъ при дня я получилъ увѣдомленіе о назначеніи мнѣ новаго свиданія, но въ такой. необычной для меня, формѣ, что я сначала, было, потерялся, а потомъ рѣшилъ, что все равно отъ судьбы никуда не убѣжишь... Свиданіе было назначено въ автомобилѣ. . . совсѣмъ по американски . . . Автомобиль, такъ автомобиль . . . Можетъ это по турецки и хорошо выходитъ. . . Признаюсь, эта неожиданность меня огорчила и заставила сильно призадуматься надъ предстоящимъ свиданіемъ. Шутка ли это турчанки или особенный способъ тайнаго свиданія, незамѣтнаго для любопытныхъ... Помню. . это была среда... 13 Августа, а это число 13 — и счастливое для меня и карающее.

Ты знаешы, что я съ Лидой познакомился 13 Іюля, а разошелся 13 Декабря. . . Не совпаденіе ли это здѣсь какое нибудь... Но; думалъ я, то уже прошло и было въ Россіи, а здѣсь Турція и иныя значенія придаются числамъ...

Какъ я волновался передъ свиданіемъ, можешь судить по тому, что за три часа былъ уже въ условленномъ мѣстѣ —, въ Шишли и ждалъ желтый закрытый автомобиль подъ № 1213, который у греческаго кладбища по дорогѣ въ Маслакъ остановится... и возьметъ меня... Что это сумашествіе какое-то... При чемъ кладбище... Не пророчество ли о смерти? А какъ на грѣхъ, за полчаса до прибытія желтаго автомобиля, прошла скромная похоронная процессія — и я невольно испугался, и по своему суевѣрію рѣшилъ отказаться отъ предложеннаго свиданія . . . Но что то, по мимо моей воли, руководило мной и заставило ожидать положеннаго судьбой теченія обстоятельствъ . . .

При каждомъ шумѣ мотора и гудковъ я настораживался и обращалъ свой пытливый взоръ въ ту сторону, откуда мчался автомобиль. .

Нѣтъ, это не онъ. . . Этотъ черный . . . Я сталъ все чаще и чаще смотрѣть на часы . . . Прошло уже полчаса послѣ назначеннаго времени, а желтаго автомобиля не видно . . . А можетъ и это шутка. . . Но такъ не шутятъ .. Сердце это знало и особенно вѣрило. . Отъ смерти и отъ любви все равно никуда не скроешься, это двѣ дружныя сестры найдутъ тебя и напрасны будутъ сопротивленія. . Ихъ ядъ сладокъ — но и смертеленъ... Но, не отравившись, ты не узнаешь свойство ихъ яда... И я рѣшилъ еще разъ отравиться, по турецки — чтобы больше никогда не пытать своего желанія.

Въ 6 час. 45 м., помню точно, показался автомобиль. . . Я себя чувствовалъ не лучше приговореннаго къ смерти . . Что онъ привезетъ мнѣ этотъ желтый автомобиль . . . Любовь или смерть?

Не успѣлъ я объ этомъ подумать, какъ желтый автомобилъ на замедленномъ ходу остановился у святого входа въ вѣчный исходъ. .

„Со святыми упокой" странно откуда то донеслось до моего слуха. Гдѣ это. . . откуда?.. Но раздумывать нельзя было .. Я быстро подошелъ къ автомобилю . . . и дрожащей рукой открылъ дверцу . . . и какой то синій мракъ и пьянящій ароматъ амбры — уносили мое сердце въ неизвѣстную даль . . . Я ничего не соображалъ... казалось, что мое сердце билось уже у самыхъ висковъ и еще одно безумное мгновеніе... и оно перестанетъ биться . . . Такія мгновенія, дорогая Катюша, бываютъ сложнѣе и длиннѣе самой вѣчности... А автомобиль. . . на мягкихъ рессорахъ, равнодушный ко всему, быстро совершалъ свой бѣгъ.

Мое волненіе скоро передалось и забившейся въ уголъ Эминэ Ханымъ но такъ какъ женщина — всегда въ любви бываетъ сильнѣе мужчины, то и она первая — прикосновеніемъ своей тонкой руки — вернула меня къ дѣйствительности.

Не смотря на то, что она говорила робко и отрывочно, я узнавалъ, что это заставляетъ ее дѣлать какая то скрытая воля или намѣреніе. . . и потому то особенно боялся ея словъ . . .

Не знаю, какая то особенная сила толкнула... меня, и схвативъ ея руки, сталъ быстро и часто ихъ цѣловать... Что я еще могъ сказать? . . и можно ли еще говорить . . . поцѣлуй сильнѣе и понятнѣе словъ... Она вся дрожала. . . когда я ее называлъ . . .

— Моя милая, любимая Эминэ. . . Что было дальше. . . не помню. . . глаза ея были такъ близко къ моимъ глазамъ, а губы такъ дрожали, что я даже сквозь густую вуаль это замѣтилъ... но какъ поднять вуаль . . . это кощунство и не поджентльмэнски.

Но вотъ... ближе .. ближе... Какіе то зловѣщіе огни, ближе пылающіе и зовущіе уста. . . и мои дрожащія губы припали къ вуалю . . . и наши руки были закованы въ одно объятіе какой то неодолимой страстью .

Это было также неожиданно, какъ и до боли страшно . . . но мы не могли долго расковать нашъ поцѣлуй, не смотря на то, что наши губы отдѣлялъ завѣтный спущенный вуаль ... не смотря на то, что въ ея вуальномъ лобзаніи я услышалъ свою знакомую боль и что-то до того родное... что-то напоминающее... что боялся — не возвратъ ли это сновидѣній прошлаго . . . и какъ то сурово . . . съ какимъ то холоднымъ презрѣніемъ врѣзался въ мое мгновенное сознаніе почти уже забытой мной . . . воздушный образъ Лиды... Это замѣщательство ... мое было Эминэ Ханымъ какъ то чутко уловлено. . . и съ какимъ то особеннымъ всепокоряющимъ безуміемъ — которое всегда у нихъ дремлетъ въ тонкихъ углахъ губъ, ея уста еще разъ и въ послѣдній зажгли даже черезъ вуаль новой страстью мои губы... и я только тогда понялъ, что случилось, когда у входа кладбища снова остановился автомобиль. . . и мнѣ было сказано: «Милый — до новаго свиданія"...

Усталый. . . утомленный нѣсколькими мгновеніями, я ничего не понималъ и совершенно не удивился, когда вечеромъ поздно кладбищенскій сторожъ, завидя меня гуляющимъ между крестовъ, попросилъ деликатно о выходѣ ..

Въ головѣ несвязно промелькнули: желтый автомобиль. . . вся въ черномъ Эминэ Ханымъ...

поцѣлуй черезъ вуаль . . . и могилы . . . безъ конца...

Ты, конечно, Катя, понимаешь, что я и сотой части не передалъ изъ того, что со мной произошло... но и даже у самыхъ глубокихъ и богатыхъ словъ не найдется достаточно силы, чтобы освѣтить ими эти незабвенныя минуты. .

— Кто она... какое у нея лицо?.. я не знаю и не видѣлъ... но слышалъ, какъ сердце далекой турчанки — пѣло мнѣ какія то новыя, свои пѣсни любви...

И я пошелъ за этими пѣснями, послушался ихъ призыву. . . а послѣ этихъ пѣсенъ мнѣ уже ненужной стала никакая въ мірѣ музыка ..

Это были пѣсни Любви и Смерти...

Я не знаю, какъ и когда я попалъ домой ... и какъ, вообще я нашелъ свою квартиру; но еще было страшнѣе и неожиданнѣе, когда на другой день, рано утромъ, дѣвочка, дочь моей хозяйки, постучала ко мнѣ и протянула черезъ полуоткрытую дверь какое то письмо. . . Откуда и отъ кого, изумился, когда никто не знаетъ моего адреса и никто еще не заглядывалъ даже изъ близкихъ моихъ друзей въ мое одинокое убѣжище... По страшно нервному почерку, такъ уже мнѣ знакомому, я отгадалъ, что это письмо... Эминэ Ханымъ. . . Но какъ она нашла меня... это навсегда останется для меня тайной... Въ этомъ короткомъ, но ясномъ письмѣ, меня увѣдомляла моя сказочная турчанка, чтобь я немедленно переѣхалъ на другую квартиру, которая уже для меня приготовлена — и былъ указанъ точный адресъ, и ждалъ бы ее вечеромъ, т. к. ея женихъ прослѣдилъ за нею и она во всемъ призналась. . Нужно, предупреждаетъ она меня, найти выходъ... и спасти ее и себя.., Вотъ тебѣ и шахеразада, подумалъ я, короткая, но многозначительная восточная сказка. . . съ воздушнымъ поцѣлуемъ черезъ вуаль . . . послѣ которой нужно и ее и себя спасать отъ наказаній Аллаха. .

Себя... то я рѣшилъ не спасать; — но ее обязательно спасти, хотя бы цѣной своей жизни... Бѣдная и милая Ханымъ — пути любви усѣяны цвѣтами и кровью... кровью и цвѣтами... цвѣты то я твои спасу и сохраню цѣной своей крови... Не печалься... отъ судьбы никуда не уйдешъ...

Очень было грустно мнѣ покидать свой тихій и ласковый уголокъ, еще грустнѣе было заявить объ этомъ своей хозяйкѣ, которая нѣжно, по матерински, ко мнѣ относилась и для которой моя квартирная плата была средствомъ для существованія... Но чтобы ее обрадовать и успокоить, я къ причитающейся ей за комнату суммѣ, яко— бы въ знакъ блгодарности, прибавилъ столько, сколько бы ей хватило на годъ . . . Но каково было мое удивленіе, когда она это уразумѣла и вся въ слезахъ возвратила мнѣ эту сумму, обидѣвшись на такой русскій способъ благодарности. Славная моя старушка . . . развѣ я хотѣлъ ее обидѣть?.. Да, честь для старой турчанки дороже всякихъ денегъ. . Ея морщинистое, но благородное лицо я никогда не забуду. . . Но надо спѣшить на новую квартиру... въ Кассимъ Паша... на Пера, которую я такъ не люблю . . . Законъ любимой женщины обязательнѣй для меня всѣхъ другихъ законовъ. . . Съ тяжелымъ сердцемъ я исполнилъ все, что мнѣ было приказано . . . На новой квартирѣ меня уже ожидали и совершенно не удивились моему пріѣзду . . . Однако, Эминэ Ханымъ очень опытная и умѣетъ обстоятельства подчинять своей волѣ ... Что-жь, думалъ какъ— то уже безразлично я . . . Касимъ Паша, такъ Кассимъ Паша, и отдался со всѣмъ своимъ прискорбіемъ томительному ожиданію завтрашняго таинственнаго, но все объясняющаго вечера...

Что меня ожидаетъ, я какъ-то боялся и думать объ этомъ . . . Неисповѣдимы твои пути, Господь. . . я въ твоеи милостивой волѣ, карай меня или милуй, я все приму, какъ необходимое и должное. Да . . . какъ-то не знаешь, откуда приходитъ счастье и откуда несчастье...Но я уже промучился съ самымъ для себя печальнымъ исходомъ... а потому то такъ спокойно ожидаю назначенное мнѣ новое свиданіе, опять таки при новыхъ, для меня печальныхъ и неожиданныхъ обстоятельствахъ..

Медленно и пугливо подвигалось время . . . Прошла и безсонная ночь съ какими-то грозными предчувствіями, засвѣтило и утро своимъ ласковымъ свѣтомъ въ мое окно . . . Вяло тянулся жаркій день и минуты указывали о приближеніи того часа, когда тайнѣ моей невольно придется стать явной и тѣмъ ослабить то очарованіе, которое таитъ въ себѣ красота неизвѣстности .. Но вотъ и насталъ часъ...

Робкій стукъ въ дверь . . . Она входитъ и увѣренно закрываетъ за собою дверь . . . и направляется ко мнѣ. . . Я быстро вскакиваю и какъ-то лихорадочно беру ея руки и стараюсь поцѣловать ихъ, но она также быстро отстраняетъ меня и совершенно спокойно приглашаетъ сесть и обсудить создавшееся положеніе . . . Это ея дѣланное спокойствіе и строгій повелительный тонъ нѣсколько меня смутили, но я покорно слѣдовалъ ея указаніямъ. . . и молча опустился на стулъ... Она сдѣлала нѣсколько нервныхъ шаговъ по комнатѣ и также сѣла... противъ меня... На

ней черное платье ... и таже густая вуаль ... но на этотъ разъ еще болѣ непроницаемая, такъ что при всемъ моемъ желанiи я съ большимъ трудомъ отыскалъ въ этомъ туманномъ вуалѣ едва замѣтный блескъ очей...

Минуты тяжелаго неопредѣленнаго молчанiя... Наконецъ — Эминэ Ханымъ собравшись съ силами, рѣшительно обратилась ко мнѣ, не показавъ и не выдавъ себя ничѣмъ, какъ будто между нами никогда ничего не было.

— Вы любили кого-нибудь? — со вздохомъ спросила она.

— Да, коротко отвѣтилъ я.

— И что же разлюбили или это было не серьезно? продолжала Ханымъ . . . я рѣшилъ сразу говорить всю правду...

— Заставилъ себя забыть ее, при этихъ словахъ она вздрогнула, — потому что она была слишкомъ несправедлива ко мнѣ . . . но какъ трудно забыть, что у меня есть сердце, — такъ трудно забыть и ту, для которой оно горѣло — Тогда чѣмъ же объяснить ваше поведенiе со мной? Желанiемъ развлечься, быстро съ тихой злостью, спросила она...

— Ханымъ . . . какъ вы можете такъ говорить... послѣ того . . . послѣ нашей послѣдней встрѣчи.

— Не вспоминайте никогда объ этомъ, грубо перебила она меня.

— Хорошо . . согласился я. . . вы пришли сюда, чтобъ снять съ меня допросъ и тогда уже рѣшить, что вамъ предпринять...

— Нѣтъ, не за этимъ... я уже даже рѣшила, я хочу только ближе узнать, что вы за человѣкъ; кому я собираюсь вручить свою судьбу...

Отъ этихъ неожиданныхъ, но совершенно спокойныхъ словъ я пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство и сталъ терять душевное равновѣсiе, потому что между Эминэ Ханымъ въ автомобилѣ и здѣсь легла какая то непреодолимая пропасть и я уже не зналъ, когда она была настоящей — теперь или тогда...

А гдѣ эта дѣвушка; которую вы любили? снова она продолжала свой допросъ.

— Не знаю - отвѣтилъ я. Наши пути слишкомъ разошлисъ, а мiръ такъ великъ, что трудно опять встрѣтиться на старыхъ нашихъ путяхъ... да, если бы мы и встрѣтились, только было бы больно намъ отъ этого.

— Признайтесь откровенно... только искренно, смотрите на меня . . . хотѣли бы вы ее видѣть? — испытующе спросила она.

— Зачѣмъ? въ раздумьи я проговорилъ . . . Вѣдь всѣ люди расходятся для того, чтобы больше никогда не сходиться . . . да и въ возвратныя сновидѣнiя я не вѣрю . . . она слишкомъ знала мое сердце, чтобы рѣшиться разбить его. . . Но разъ это сдѣлано . . пусть это и остается на ея совѣсти... она мнѣ слишкомъ отомстила за мои стихи...

— А въ привидѣнiя вы, навѣрное, вѣрите? вдругъ перешла она на другую тему и я услышалъ въ этомъ какую то чисто восточную хитрость и какую то ловушку для, моей искренности...

— Это не относится къ допросу — возразилъ я и сталъ слѣдить за всѣми ея движенiями . . . Она поднялась, походила по комнатѣ, что-то обдумывая ... какъ она была загадочна и потому то какъ обоятельна въ это мгновенiе. . . какой то запутанный словесный подходъ восточной интриги . . . жаль только, не видно ея лица...

Мое воображенiе не могло никакъ его нарисовать себѣ... Наконецъ рѣшительно она подходитъ ко мнѣ и снова, нѣсколько волнуясь спрашиваетъ:

— Такъ вы ее уже не любите и будете любить меня... не правда ли?.. Вѣдь вы ей ни въ чемъ не клялись... и никогда не захотите ее видѣть, когда будете со мной?.. подождите, не отвѣчайте... не надо ... одну минуту . . . закройте ваши глаза, останьтесь на единѣ со своей совѣстью, подумайте .. а тогда отвѣчайте. . . Я инстинктивно повиновался и оставшись, съ самимъ собой — почуствовалъ весь ужасъ своего положенiя. . . и совершенно не зналъ такъ все запуталось въ головѣ, что ей сказать... И молча сидѣлъ съ закрытыми глазами, ожидая своей участи...

— Еще не говорите и не открывайте глазъ... только не жалѣйте никогда о случившемся, въ васъ столько чистаго увлеченiя, что я никогда не забуду тоже вашъ.. поцѣлуй... черезъ...вуаль... въ автомобилѣ... мой милый... я опять пришла къ тебѣ... ну смотри... же .. Хотя я и открылъ глаза, но ничего не видѣлъ, потому что не вѣрилъ видимому, а отъ неожиданности потерялъ сознанiе и упалъ въ обморокъ...

Катя...Катя... ты только пойми весь ужасъ того, что свершилось. . . передо мной стояла съ поднятымъ вуалемъ . . . въ слезахъ... сама... Лида . . . да. . . живая Лида . . . а не Эминэ Ханымъ . . .

Что было дальше-не помню. . . Она быстро ушла .. и не сказала ни слова . . И только на второй день, когда я едва сталъ приходить въ

сеоя, вечеромъ часовъ въ 10-ко мнѣ кто-то постучался и просилъ разрѣшенія войти.

Незнакомый мнѣ человѣкъ въ фескѣ произнесъ мое имя и какъ то тревожно, вкрадчиво, сбиваясь, сообшаетъ, что произошло большое несчастье... Вамъ завтра утромъ все нужно будетъ сдѣлать...

Вотъ вамъ письмо... вы все узнаете...

Представляешь, дорогая Катюша, съ какимъ нетерпѣніемъ я распечатывалъ письмо . . . Его содержаніе я не буду передавать... при одномъ воспоминаніи о немъ мнѣ становится больно . . . Когда мной было исполнено все, о чемъ она просила въ своемъ письмѣ, когда я, удерживая свои послѣднія силы, забросалъ ее могилу цвѣтами...

Только тогда я почувствовалъ весь ужасъ и безъисходность своего горя . . . Лида . . . умерла . . . и просила ее похоронить по христіански. . . Когда я переступилъ порогъ той комнаты, гдѣ она лежала уже въ заколоченномъ гробу, я совершенно потерялъ разсудокъ и на меня напало то тупое безразличіе, которое такъ родственно невыразимому горю... Изъ письма я узналъ про весь ея планъ мщенія, который она изумительно тонко провела, но сама не выдержала конца и оставила мнѣ одному разгадывать тайну ея мщенія. . . За что?.. Катя, ты знаешь, какъ я любилъ Лиду... и какъ мнѣ тяжело было разстаться. . . неужели за то, что, цѣлуя ее - я цѣловалъ другую . . . и этимъ ее, какъ женщину незабываемо оскорбилъ...

Воображаю... сколько она потратила силъ и изобрѣтательности, чтобы попасть въ турецкую семью въ качествѣ гувернантки и слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ изъ подъ своей чадры, разыграть такую сцену нашихъ свиданій, какъ не разыгралъ бы ни одинъ геніальный актеръ ... и къ чему все это ... чтобъ самой не выдержать финала пьесы и побѣжденной оставить меня одного мучиться и снова страдать. . . а что это были за муки, ты уже знаешь ... свидѣтель тому тотъ славный турокъ, что принесъ мнѣ письмо, братъ дѣйствительной Эминэ Ханымъ при которой Лида состояла гувернанткой и съ которой приходила въ синема. Онъ много мнѣ говорилъ про

Хотя и открылъ глаза, но ничего не видѣлъ — передъ нимъ стояла сама Лида.

нее, но такъ стыдливо и съ такой любовью, что это меня успокаивало и примиряло. . . Довѣряя ему, я подѣлился своимъ горемъ и разсказалъ всю правду о нашихъ свиданіяхъ, чему онъ поразился и замѣтно было — остался недоволенъ.

Очевидно, заговорило въ немъ свое, національное чувство. Вотъ и сейчасъ, когда я дописываю это письмо, онъ снова заглянулъ ко мнѣ и ожидаетъ молча, когда я закончу свое дѣло. Такъ грустно и печально закончилась моя восточная сказка. . . и ушла также неожидано моя Царица Эминэ Ханымъ Лида, какъ и появилась она въ Стамбулѣ. . . Сама понимаешь, что дольше я оставаться здѣсь не могу и черезъ нѣсколько дней уѣзжаю на вторую свою родину — шумный Парижъ, чтобы тамъ за работой литературной, въ пыльныхъ библіотекахъ забыть свой трагическій «поцѣлуй черезъ вуаль»...

Турокъ мой это одобряетъ и собирается меня проводить даже. Славный, внимательный. Не знаю, милая, какъ ты примешь это мое письмо; помолись за меня, чтобы Господь подкрѣпилъ меня и далъ силы перенести этотъ ужасножестокій ударъ тайной, но вѣчно карающеи судьбы...

Изъ Парижа тебѣ напишу снова... кончаю...

и нѣжно цѣлую тебя, моя единственная и любимая Ка-тюша... да хранитъ тебя Господь. Твой братъ Георгій..

Бѣдный, бѣдный поэтъ, ты бѣжалъ отъ стѣнъ Цареграда въ свой любимый Парижъ заживить свои раны и отдохнуть отъ жестокой жизни, но смерть и сюда за тобой прискакала... Теперь то и мнѣ сталъ ясенъ смыслъ его предсмертнаго письма ко мнѣ... Немного ему пришлось отдыхать... за то теперь навѣрное, отдохнетъ тамъ, откуда никто еще не возвращался.

До чего бываетъ неистощимо и жестоко женское самолюбіе; я только теперь узналъ это. Исторія со смертью ея и забитымъ гробомъ также была тонко разыграна какъ и сцена съ желтымъ автомобилемъ.. Бѣдный поэтъ довѣрчивый и обманутый, оказалось, хоронилъ что то совсѣмъ непохожее на покойницу; но въ чудесной восточной столицѣ еще не то продѣлываютъ... Но вѣря... не переставалъ за нее молиться... и только на сороковой день, послѣ ея смерти, когда онъ отправился, не сказавъ даже и мнѣ объ этомъ, въ нашу русскую церковь на rue Daru чтобы отслужить по ней панахиду, онъ во второй разъ тамъ былъ обманутъ и наказанъ ею — увы... снова живой, которая во время остановила его и попросила не служить панихиду по ней... Этого уже сердце не выдержало... и придя домой, въ свою комнату, напрягъ всѣ свои силы и однимъ выстрѣломъ изъ браунинга, покончилъ всѣ счеты съ земнымъ своимъ счастьемъ и ушелъ увы, самъ добровольно отъ всѣхъ сказокъ и привидѣній... Что онъ думалъ о ней въ свои послѣднія минуты я не знаю, но изъ его письма ко мнѣ, я чувствовалъ, что онъ и съ ней простился также нѣжно и любя, какъ и со всѣмъ міромъ; ибо письмо и ей было послано... Какія это были слова-никто не знаетъ; покойная Лида унесла ихъ съ собой въ могилу; но то, что она пошла сейчасъ же за нимъ въ неизвѣстностъ, въ вѣчную сказку, говоритъ за то, что и она его любила и не могла пережить своей второй мести.

Можетъ быть, мертвая она обрѣла другое счастье, земля свершила надъ ними все свое земное и спрятала отъ живого и вѣчнаго ликующаго солнца... Кто виноватъ?.. Не будемъ судить мертвыхъ, ибо смерть примиряетъ всѣхъ... и еще разъ убѣждаетъ насъ, что путь любви всегда усѣянъ цвѣтами и кровью...

Георгій Рыбинцевъ

* * *

Помнишь ли счастье такъ быстро мелькнувшее
Словно волшебная сказка во снѣ,
Ярко, какъ звѣздочка въ жизни сверкнувшее,
Чтобы угаснуть навѣки во тьмѣ?

Помнишь ли парка аллеи унылыя
Шорохъ невнятный засохшей листвы,
Грустные, все-жъ безконечно намъ милые,
Тихіе всплески прибрежной волны?

Бѣлыя розы давно ужъ опати,
Но лепестки ихъ я свято храню,
Прошлаго счастья пусть дни миновали,
Все-же тебя я какъ прежде люблю!

Т. К.

ВЪ МЕЧЕТИ.

И страннымъ кажется теперь
Взнесенный оттискъ минарета,
Когда устала отъ потерь
Душа отвѣтная поэта;

И странной кажется мечеть
Съ непонимаемымъ моленьемъ...
Тамъ, гдѣ учились мы горѣть,
Теперь остыло вдохновенье.

И только чья то тѣнь въ углу,
Съ руками тонкими отъ муки —
Лиловую волнуя мглу,
Напоминаетъ о разлукѣ.

Чужія стѣны и огни, —
Безъ алтаря... безъ аналоя...
И мы чужіе — здѣсь... одни,
Хоронимъ все свое святое.

В. И.

БИБЛІОГРАФІЯ

АНДРЕЙ АЛЛИНЪ. „Солнечный итогъ“
(Цареградскій цехъ поэтовъ) 1922

Подъ чужимъ ласковымъ небомъ-первый осенній цвѣтъ любви и печали.

Цареградскаго цеха поэтовъ: «Солнечный итогъ» Андрея Аллина.

Въ осень онъ принялъ здѣсь свое первое крещеніе и потому это такъ хочется быть ласковымъ и печальнымъ съ нимъ.

А опечалиться есть отчего:

У столѣтья ль, у часа ль, у года ли,
У кого бы спросить про нее?..
Осудили, распяли, распродали
и ушли во имя свое.

И быть ласковымъ есть за что:

Ты далеко, но я тебя хочу
Скорбящая, распятая Россія.

Какъ не хотѣлъ бы поэтъ быть только нѣжнымъ и влюбленнымъ въ своихъ первыхъ пѣсняхъ: «Сердце въ цвѣтахъ» или дерзкимъ и страстнымъ въ своей: «Любви весенней» всеравно сердце его слышитъ уже поступь новыхъ и страстныхъ дней Россіи:

. . . Мы отмаячили
чьи то чужіе дни.

Послѣ которыхъ пришли уже свои, какіе то мятельные, пурговые . . .

Да поняла ли ты,
что буря, что пурга тебя въ пути застала?..

Въ этой грозной пургѣ немногіе сохранили даръ неба — пѣть и молиться и немногіе умѣли слушать наше будущее черезъ дали имятели.

Отошелъ съ «розой и крестомъ» — въ вѣчность А. Блокъ; Безъ моленія и утѣшенія замучили бѣднаго Гумилева и Чеботаревская — отъ одной вѣста «быть свободной» сошла съ ума и прервала свои дни.

А сойти съ ума было отчего . . . объ этомъ намъ поэтъ строго, молитвенно повѣствуетъ въ своей изумительно богатой ритмически и пугающей «Пургѣ»:

Жизнь отошла. Оставили раздумья.
И кто мнѣ скажетъ, человѣкъ ли я?..
Душа... душа преставилась моя:
Нѣтъ звука — слышу только шумъ я.

Нѣтъ звуковъ у жизни, тѣхъ тихихъ, но ясныхъ звуковъ, что всегда святили сердца всѣхъ поэтовъ . . . Жизнь отошла, а явь заволоклась туманнымъ смрадомъ и потому поэтъ уже не знаетъ — да человѣкъ ли онъ?

И какъ въ такую пургу не преставиться душѣ человѣка, когда

. . . къ царицѣ въ спальню
впущенъ псарь, а
Въ Борисоглѣбскомъ соборѣ
въ Черниговѣ древнемъ
мощи святителя Феодосія
осквернили — вскрыли,

Когда и отецъ и мать у смерти на примѣтѣ... Печальный итогъ страшной россійской дѣйствительности; какъ только выдержало сердце этотъ «соблазнъ, толкающій въ бездну», но

есть сила благодатная
въ созвучьй словъ живыхъ.

И эта сила — вѣра поэта въ Россію, въ ея полярные звѣздные пути, даетъ «Солнечному итогу» особенную значительность и дѣлаетъ его современнымъ и близкимъ.

Значитъ, не напрасны были и горе и муки; значитъ — будетъ еще радость Пусть еще пурга надъ пространствомъ Россіи, поэтъ вѣритъ и знаетъ:

А придутъ часы и Онъ воскреснетъ
И пойдетъ отъ гроба роснымъ утромъ
Побѣдивъ послѣдней страстью смерть,
Мимо насъ пройдя, какъ сынъ—къ Россіи...

Вѣрю и я, что онъ придетъ, знаю и я, что будетъ Россія и потому то стоитъ жить и молиться о своихъ грѣхахъ:

Помяни тогда и насъ отрекшихся
Отъ скорбящей муками Россіи...

Трудно, нѣтъ, невозможно въ полной мѣрѣ— подойти вплотную къ мучительному и годами собиравшему итогу сердца поэта; трудно въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить то неопредѣлимое, что скрывается за шорохами и волнующей тишью въ каждомъ перебоѣ его.

Нужно еще о многомъ помолчать и подумать чтобы сказать о самомъ главномъ и сокровенномъ «Невѣсты неневѣстной этой книги.

Во всякомъ случаѣ часть ея уже нами принята и принята такъ, какъ вѣритъ и самъ поэтъ который думаетъ что встрѣтитъ и приметъ своей —пылающую длань»..

Хочется вѣрить что недалеки уже побѣдные дни когда и Цареградскій Цехъ поэтовъ — вдохновенный Андреемъ Аллинымъ броситъ и свою «частицу бытія» въ то будущее, которое на окрикъ — «есть Россія»? — отвѣтитъ съ нами — будетъ... будетъ

НАШИ ДНИ

МАКОВЕЦЪ Журналъ искусствъ № 2

Из-ство „Млечный путь“. Москва.

Послѣ долгого, долгого молчанія донесла и родная Москва свои строки къ намъ далекимъ.

Такъ волнующе отозвались пять буквъ — Москва — поставленныхъ на обложкѣ.

Петербургскіе журналы, книги доходятъ до насъ давно.

От Москвы :

— первый подарокъ.

Съ волненіемъ москвича перелистывалъ я родныя, будто свои, страницы.

Переулки, улицы, дома мелькали въ глазахъ и тотъ особенный — московскій — укладъ поэтической жизни вставалъ въ памяти, хотя съ нимъ я, по молодости, и связанъ только книгами.

Маковецъ . . .

Хорошо, хорошо читались мнѣ его строки.

Многое показалось еще смутнымъ (оно и у насъ такъ въ цехѣ, какъ всякое исканіе), а всероднымъ. Если есть у Цеха и Маковца расхожденія, то пожалуй въ частностяхъ.

Общее, какъ будто, то же.

И не говоритъ ли о томъ, что это общее жизненно?

Отдѣленные сотнями непроходимыхъ верстъ, не зная другъ друга, даже по слуху мы подходимъ къ одному.

И не только въ поэзіи :

— въ живописи.

Объ отдѣльныхъ статьяхъ, стихахъ сейчасъ не скажу : это было бы съ плеча — по малости ихъ.

Только отрадно было видѣть родича Евг. Недзѣльскаго.

Растетъ онъ . . .
И простѣетъ . . .

Великая и труднѣйшая это вещь :
— простота . .

Отъ Цареградскаго Цеха поэтовъ — Маковцу :
— радоваться.

Отъ второго рима — третьему :
— жить.

(Разъ послѣдующему — значитъ : Будушему).

СЕРАПІОНОВЫ БРАТЬЯ

Заграничный альманахъ.

Издательство „Русское творчество“ Берлинъ.

Пока альманахъ Серапіоновыхъ братьевъ дошелъ до насъ, вокругъ братьевъ уже создалась цѣлая литература. Не зная произведеній братьевъ, мы въ № 3 „Литературныхъ Записокъ“ уже читали ихъ біографіи и мысли о самихъ себѣ.

Отъ этого, приступая къ книгѣ, мы заранѣе требовали отъ нея очень большого. И въ тоже время, читая, мѣшали темы книги съ темами ранѣе прочитаннаго о братьяхъ, особенно съ ихъ біографіей.

Не вынося своего окончательнаго мнѣнія о братьяхъ, ибо трудно по одному разсказу судить о каждомъ изъ нихъ, мы должны признать, что братья-явленіе. Явленіе могущее составить въ русской литературѣ начало новой эры :

— Антонъ Чеховъ закончилъ статичную анализирующую, философствующую литературу до — революціонной Россіи.

Серапіоновы братья, кажется намъ, начинаютъ новую фабульную, динамичную литературу революціи (высказанное положеніе отнюдь не опредѣляетъ маштаба ихъ дарованій).

Съ указанной точки зрѣнія особенно ярокъ у братьевъ Мих. Зощенко.

Въ сборникѣ его разсказъ — первый по порядку, первый и по силѣ. (Викторія Казимировна).

Поэзія сборника не сильна и не характерна.

Цареградскій Цехъ, пожалуй въ поэзіи ярче воспринялъ положенія Серапіоновыхъ братьевъ (не зная ихъ), чѣмъ сами братья — поэты.

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ

Чистилище Стихи.

Книга вторая, Петербургъ 1922.

Любовно изданная книга на прекрасной бумагѣ со шрифтомъ, о которомъ въ Константинополѣ только думаемъ — таково внѣшнее книги. Содержаніе ея оставило у насъ очень поверхностное впечатленіе.

Стихи (теперь это опредѣленно нужно сказать) должны находить отзвукъ въ душѣ читающаго.

Они должны звучать въ сердцѣ, остаться въ немъ.

Ихъ содержаніе должно дѣйствовать рѣзче, быть убѣдительнѣе, чѣмъ проза, потому что имъ больше дано въ смыслѣ внѣшности, красивости, запоминаемости. Ихъ форма должна усиливать содержаніе, фиксировать его, а не составлять ихъ сущность : слово — слово, а не звукъ — вообше ; а въ стихѣ оно есть слово + звукъ.

Стихи Адамовича мало говорятъ словъ, они не запоминаются, не остаются въ душѣ.

При этомъ, однако, они совершенно литературны, строги ритмически и красивы внѣшне.

РУССКІЙ СЕЗОНЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Изъ всѣхъ нашихъ завоеванiй на чужбинѣ — самымъ прочнымъ и ощутительнымъ нужно признать завоеванiе въ области искусства, правда — Константинополь послѣднимъ сдался на милость русскихъ сценическихъ дѣятелей.

То, что почти вся Европа, а съ ней и Америка склонились передъ знаменемъ русскаго самобытнаго искусства, къ этому мы уже давно привыкли, но приблизить до настоящаго пониманiя и поднять до себя разношерстную константинопольскую публику, высшей цѣлью которой являлось Юзъ-пара, это уже одна изъ рѣдкихъ и громаднѣйшихъ заслугъ представителей нашей сцены.

И конечно, въ это минувшее лѣто весь сезонъ въ силу этого можно назвать — русскимъ, только единственно — русскимъ сезономъ.

Мы съ гордостью назовемъ имена тѣхъ, кто осмѣлился на такой рискованный подвигъ: А. Б. Ардатовъ, В. П. Бутниковъ и С. М. Надеждинъ вотъ русская тройка, которая побѣдила своимъ дарованiемъ Константинополь.

То, что казалось въ прошломъ году невозможнымъ, теперь, въ этомъ году оказалось настоящей дѣйствительностью.

Ежедневныя представленiя балета и оперетты въ теченiе всего лѣта при полныхъ сборахъ — этого здѣсь еще не было и никому изъ насъ даже и не снилось.

Но кто любитъ, тотъ и побѣждаетъ.

Этимъ и объясняется побѣда русскихъ артистовъ надъ мирными жителями азiатской столицы.

Одинъ только перечень балетныхъ и опереточныхъ постановокъ говоритъ за себя и не нуждается въ коментарiяхъ. И это въ условiяхъ чрезвычайно неблагодарныхъ и неблагопрiятныхъ.

Всѣ свои пристрастiя я прежде всего отдаю балету и его режиссеру С. М. Надеждину. При наличiи двухъ — трехъ балеринъ со школой, одного — двухъ настоящихъ танцоровъ рискнуть на большiя балетныя постановки могъ только человѣкъ исключительныхъ способностей и только артистъ русскiй, чья любовь къ искусству всегда побѣждала всѣ препятствiя.

Сколько каторжной работы при постоянной помѣхѣ представителей дирекцiи, сколько вложено знанiя и опыта, сколько отдано исключительнаго вниманiя ко взятой на себя работѣ, по этому поводу нужно написать цѣлую книгу, а въ нѣсколькихъ строкахъ настоящаго журнала можно сказать только о томъ радостномъ преклоненiи, о той нашей живой благодарности, съ которыми мы относимся къ нашему соотечественнику, большому даровитому артисту С. М. Надеждину.

Правда, онъ былъ не одинъ.

Ближайшимъ и настоящимъ сотрудникомъ оказался В. П. Бутниковъ, единственный въ Константинополѣ большой и талантливый дирижеръ, въ чьихъ рукахъ музыкальная часть была всегда на должной высотѣ, а это для балета — одно изъ необходимыхъ условiй.

Ему мы еще обязаны тѣмъ, что симфоническiе концерты — сдѣлались той нежданной радостью для русскихъ, которая въ Россiи была привычна и такъ постоянна.

Обычный оркестръ оживалъ и преображался подъ его управленiемъ и былъ такимъ же послушнымъ его замысламъ и толкованiямъ, какъ бываютъ послушны клавиши рояля опытному талантливому пiанисту.

Это соединенiе талантливаго режиссера съ такимъ же талантливымъ дирижеромъ — сдѣлали то, что каждая ихъ совмѣстная большая постановка принималась какъ большое событiе въ области музыки и хореографiи.

Не могу не помянуть и его другихъ сотрудницъ и сотрудниковъ; Фоска, Германъ, Стрѣльская, Савицкая — съ одной стороны и съ другой — Дроздовъ, Гречихинъ, Пантелiевъ, всѣ съ сознанiемъ своего долга и исключительной любовью и заботой отдавали свои силы и способности на выполненiе волшебныхъ балетныхъ сказокъ. Но о нихъ въ другой разъ.

Въ маленькомъ масштабѣ и при другихъ условiяхъ работала оперетта, руководимая неутомимымъ А. Б. Ардатовымъ, кто буквально цѣлые дни отдавалъ этому тяжелому и неблагодарному труду и потому-то, можетъ, также оказался среди побѣдителей въ Константинополѣ.

Правда, въ то время, когда Надеждину помогалъ и часто облегчалъ работу Бутниковъ, бѣдному Ардатову, наоборотъ, только всегда мѣшалъ и все коверкалъ безталанный, простите за выраженiе маэстро Шаминъ.

Нужно было только удивляться долготерпѣнію артистовъ и публики.

Вѣчно юная и всегда очаровательная В. И. Піонтковская знаетъ секретъ оперетты и всегда выше всякой похвалы.

О ней можно сказать только одно, въ большой части своей оперетта обязана своему успѣху только благодаря обаятельной и единственной Піонтковской, чье неувядаемое изящество и вѣчная граціозность дали ей право именоваться „Королевой оперетты".

Хорошимъ, очень часто достойнымъ ея партнеромъ оказался и премьеръ Кларинъ, рѣдко музыкальный и съ пріятнымъ голосомъ пѣвецъ, тонко разбирающійся въ самыхъ трудныхъ сценическихъ положеніяхъ.

Голосъ его окрѣпъ, выровнялся и звучалъ почти всегда также пріятно, какъ и у Королевы. Если мы еще прибавимъ гостя въ русской опереттѣ — болгарскаго талантливаго артиста Стоилова — единственный болгаринъ, котораго здѣсь любили, чей сценическій опытъ и неудерженный темпераментъ часто придавали опереттѣ необходимый жанръ.

Всѣ они на разныхъ путяхъ дѣлали одно большое и тяжелое дѣло: творили то прекрасное и вѣчное, благодаря чему мы имѣемъ право съ гордостью называться „русскими" пусть вынужденными изгнанниками, но богатыми своимъ творческимъ духомъ и сильные своей любовью къ искусству, и потому-то намъ уже не страшны никакія испытанія. Мы выдержали экзаменъ на культурность. Мы побѣдили — потому что мы умѣемъ любить.

ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ.

Зимній сезонъ начался не совсѣмъ удачно;

Прежде всего политическія событія матеріально ударили по театру. Почти всѣ театральныя предпріятія съежились, сократились, дѣла вездѣ среднія. Правильно работаютъ только Petit Champs, гдѣ по прежнему подвизается балетъ, отъ котораго оторвали душу его въ лицѣ талантливого Надеждина и два новыхъ начинанія — Skating, организовавшій второй балетъ во главѣ съ Ельзой, Глюкъ и „Скоморохъ", пріютившійся въ ресторанѣ „Медвѣдъ".

Въ „Skating" талантливый Ардатовъ выступилъ въ новомъ для него амплуа „meteur en scène du ballet" и показалъ что истинное дарованіе способно приложить себя всюду.

Изъ артистовъ на первомъ мѣстѣ, изумительная Ел. Глюкъ съ ея удивительной мягкостью въ передачѣ и способный Траполи и Лоранъ.

Что касается „Скомороха", то это обычное кабарэ съ шаблонной программой. Халтурная опера Т. Балабана уже успѣла закончить свое существованіе.

Изъ новостей театральнаго міра слѣдуетъ отмѣтить громадный сплывъ актеровъ и музыкантовъ, главнымъ образомъ, въ Америку.

Уѣзжаютъ: В. И. Піонтковская въ Парижъ, В. В. Кларинъ въ Нью-Іоркъ, И. Т. Бутниковъ въ Канаду.

В. Г. Хинкулова-Зарина

Артистка петербургскаго „ПАЛАССЪ-ТЕАТРА"
Талантливая исполнительница русскихъ народныхъ пѣсенъ и цыганскихъ романсовъ.
Къ ея выступленіямъ въ театрѣ „ОЛИМПІЯ"

LE BAISER SOUS LE VOILE

Toute la colonie russe de Paris n'avait pas manqué, dans le courant de l'automne 1921, d'être vivement impressionnée par un événement peu ordinaire qu'un chroniqueur oisif et doué de peu d'imagination avait présenté au public sous le titre banal de « double suicide ».

C'est qu'au lendemain même de l'enterrement du poète russe bien connu, Georges Goloubistcheff, qui avait mis fin à ses jours par un coup de révolver, les gardiens du cimetière du Père Lachaise avaient trouvé sur la tombe encore fraîche du poète le cadavre d'une jeune femme russe appelée Lydie Iline. Une impression austère et recueillie se dégageait de tous les moindres détails dont la morte avait tenu à s'entourer: le choix de sa merveilleuse robe blanche en dentelles de Bruxelles de la plus grande finesse, du voile d'une épaisseur impénétrable qui recouvrait son visage et, particularité des plus étranges, ces violettes de Parme répandues sur tout son corps et dont s'échappait ce pénétrant parfum d'ambre, qui avait si fort impressionné les agents de la police désignés par leur sort pour procéder à la première enquête sur les motifs de cette mort mystérieuse.

Ma qualité d'ami intime et d'unique parent du défunt poète se trouvant en ce moment à Paris, m'avait valu de la part des autorités judiciaires une attention toute spéciale, de même que l'autorisation de prendre à ma charge l'inhumation de la mystérieuse morte.

Ma demande à ce sujet avait commencé par les prendre au dépourvu; toutefois, lorsque l'on eut découvert dans le corsage de la jeune femme une lettre portant la signature de Lydie Iline et écrite en prévision de sa mort prochaine, et que les experts eurent confirmé l'authenticité de cette lettre dont le contenu avait rassuré les autorités policières, sur l'absence, dans cette mort, de toute préméditation, ma requête avait été accueillie avec plus d'indulgence et une confiance plus grande et même, ainsi qu'il me parut, un certain contentement d'être délivrés de cette affaire à si peu de frais.

Tous les papiers laissés par le poète, et qui n'emplissaient pas moins que deux grandes malles, m'ayant été confiés aussitôt l'instruction terminée, pour être remis plus tard à sa famille, une curiosité irraisonnée, de même que l'affection toute exclusive que j'avais portée au défunt, m'entraînèrent à prendre connaissance de ces papiers pour toucher enfin au mystère dont, seuls, ils possédaient la clef.

J'avais peine à me pénétrer de l'idée que mon ami n'était plus de ce monde, tant tous les objets qui lui avaient appartenu, me rappelaient sa présence; ses livres préférés, portant en marge des annotations de sa main; des copies contenant des brouillons de ses poèmes ou de ces notes dans lesquelles vit à jamais l'âme d'un poète, tant elles contiennent de souffrance inexprimée et d'ardeur créatrice sans cesse renaissante aux moindres vibrations d'un cœur passionné.

J'en éprouvai l'impression particulièrement poignante en relisant les derniers vers du poète, écrits, peut-être, peu d'heures avant sa mort tragique...

"Visions d'automne."

A quel automne y faisait-il allusion et de quelle nature étaient ses souvenirs? Je ne tardai pas à l'apprendre en prenant connaissance d'une lettre écrite par le poète à sa sœur restée en Russie, du temps où il se trouvait encore à Constantinople. Cette lettre avait été enfermée dans une enveloppe bordée de noir et scellée d'un cachet. Avais-je le droit de briser ce cachet? Je n'en sais rien, et je n'y pensais pas en ouvrant cette lettre: je m'y sentais autorisé par l'affection profonde que j'avais portée à mon ami et la confiance exclusive qu'il m'avait témoignée. Je sais qu'en cette vie le hasard nous réserve maintes surprises, et ne peux prévoir si cette lettre parviendra jamais entre les mains de sa sœur dont j'ignore la résidence actuelle; je résolus cependant d'en copier le texte afin de le publier un jour à titre de document humain de grande valeur, et le faire ainsi passer à la postérité.

Peut-être cette lettre contribuera-t-elle à libérer les noms des deux victimes de la curiosité malsaine qui y est restée attachée, et de l'ironie malveillante avec laquelle maints curieux ont approché du lieu de leur dernier repos, en venant rendre à leur mémoire le dernier témoignage d'attention que les vivants ont coutume de donner aux morts... et peut-être l'histoire de ce double suicide vous enseignera-t-elle à porter à l'avenir plus de circonspection et de retenue dans vos jugements...

Stamboul, Septembre 1921.

Chère, Chère Katia,

Je ne sais si cette lettre te parviendra jamais. Un besoin impérieux me force cependant à l'écrire, et l'écrire à toi seule, car toi seule sais encore me comprendre, toi seule en qui je retrouve toujours le souvenir de notre mère bien aimée.

Nulle séparation ne m'a jamais semblé aussi pénible et n'a été ressentie par moi d'une façon aussi poignante et nul souvenir évoqué avec une tendresse aussi profonde et aussi sublime que celle qui me porte vers toi. Dans les moments de ma plus sombre détresse, comme dans mes courts instants de joie fugitive, ton image chérie n'a jamais manqué de m'apparaître et me faire désirer la douceur de ta présence... Une longue série de jours nous sépare en ce moment. Mais du fond des regrets poignants, des joies perdues, à travers les ténèbres impénétrables de notre présent et de notre avenir, je projette vers toi un reflet de la mélancolie de mon cœur meurtri... car les épreuves qu'il a eu à souffrir ont été nombreuses... Les derniers événements en Russie... Mon évasion de la prison où les rouges m'avaient enfermé... et enfin ma brouille avec Lydie, mon martyre radieux... Tu dois te souvenir de cette jeune fille si différente de toutes les autres, et si adorable; toutes ces émotions si conflexes ont étranglé mon cœur et y ont laissé une plaie que nul médecin ne sera en état de cicatriser..

Si Dieu nous accorde encore un revoir en ce monde, j'aurai à te dire bien des choses que je ne puis te raconter aujourd'hui, car les mots me manquent pour le faire: tout semble s'estomper en des contours insaisissables, grâce à son caractère inattendu et merveilleux...

Le sort m'a conduit, comme un grand nombre de russes, sur les rives azurées du Bosphore... Tu dois te souvenir de l'attraction que, de loin, le nom de Stamboul avait toujours exercé sur moi, et comme j'avais toujours rêvé à connaître cette ville... de même que Sainte Sophie...

C'est là que je me trouve en ce moment, amoureux plus que jamais du charme ineffable de l'Orient qui se meurt et de la beauté éternelle de l'incomparable Sainte Sophie.

Sainte Sophie, mon asile lumineux de repos, où j'ai tant de fois évoqué avec affection ton nom dans mes prières...

Je sens cependant un travail étrange s'accomplir à mon insu, dans tout mon être... Je me sens attiré de plus en plus par ces ombres légères de l'Orient enchanteur, par le charme impénétrable de ces femmes turques, ces inconnues mystérieuses, dont la beauté est ensevelie sous un voile éternel, et c'est le sentiment qui m'a fait élire ma demeure dans le calme endormi de Stamboul... non loin du rivage où les flots de la mer font entendre leur chant éternel...

Par les longues nuits d'insomnie dans ma chambre solitaire, j'y revivais mes souffrances passées, mon éternel martyre étoilé... la brouille qui m'avait séparé de Lydie.

Mais son injustice envers moi avait été si cruelle... ou, peut-être, du point de vue féminin, Lydie avait-elle eu raison... je l'ignore... Quoiqu'il en soit, tenant à conserver dans mon cœur la souffrance qui m'était chère, j'avais refusé de la croire... et je m'éloignai d'elle... je la quittai plein d'une terreur indicible à la pensée de ce que serait désormais mon existence.

Ce n'est qu'avec grand'peine que je me forçai à ne plus songer à elle, me sentant atteint de la façon la plus cruelle et la plus injuste dans ce qui me paraissait plus important que la vie elle-même... Quant à savoir si, en agissant ainsi, j'étais dans mon droit — c'est à Dieu de me juger... et mes vers porteront témoignage pour moi, ces vers que je conserve si jalousement; qui sait si mon cœur n'est pas destiné à être consumé par une passion d'un genre tout différent et si ma force créatrice n'aura pas à subir la tentation d'une inspiration nouvelle...

Tu dois savoir qu'ici à Constantinople amorcer une aventure romanesque ou même le flirt le plus innocent avec une femme turque est aussi difficile que de pénétrer dans un harem... et c'est peut-être la pensée même de l'obstacle infranchissable qui m'en séparait, qui me troublait et intensifiait mon désir... Je ne sais rien d'elles... leur visage lui-même est dérobé à ma vue, mais l'éclat fatal de leurs yeux semblables à des diamants noirs, pénétrant parfois jusqu'au fond de mon cœur, y allument un éclair de passion cruelle qui s'évanouit aussitôt avec la vision qui l'avait provoquée.

Ces distractions innocentes, qui ne laissent pas de m'inspirer des remords, effaçaient peu à peu dans mon souvenir l'image de Lydie... car tout en l'aimant, je l'écartais de moi... ce qui, peut-être, est le degré suprême de l'amour..

Où est-elle en ce moment? A quoi rêve-t-elle? A qui a-t-elle confié le soin de guider cette âme ardente sur sa voie mouvementée?

Un incident étrange acheva cependant de me faire céder irrévocablement à l'envoûtement que Stamboul avait graduellement opéré sur moi...

Je l'attribuai en ce moment à la chance toute particulière qui, comme tu le sais, ne m'a jamais aban-

donné, et dont les faveurs commencent à me faire sentir le poids de mes années... Entre parenthèses, je suis persuadé, Katia, que tu aurais peine à me reconnaître...

J'ai laissé pousser ma barbe, tout en rasant mes moustaches, et les fils argentés, qui se mèlent à ses ondes noires trahissent involontairement mon âge... ce qui ne manque pas de me surprendre, car les poètes, habitant comme moi le domaine de la fantaisie, ne cessent jamais de se sentir de grands enfants par certains côtés de leur âme...

Nous étions arrivés à l'époque du Ramazan, c'est-à-dire du jeûne musulman, qui consiste, pour les turcs, dans les pratiques suivantes: au coucher du soleil, sur un signal donné par l'unique canon que possèdent les turcs, ces derniers se mettent en prières, et après avoir invoqué Dieu avec ferveur, la population se disperse en groupes dans les rues, s'adonne aux jouissances du café turc et du narghilé; un souper composé de mets nationaux est servi à 2 heures de la nuit, après quoi toute la journée se passe à dormir ou regarder par la fenêtre...

Je me laissais aller au charme de ces journées, admirant le recueillement religieux et la retenue de cette foule turque au cours de ces promenades nocturnes qui rappellent si peu l'agitation bruyante et désordonnée de la nôtre.

L'on sent, que chacun de ces turcs sait goûter en toute sécurité la douceur de cette paresse imposée par le Ramazan lui-même... Des générations la lui ont léguée avec son sang.

Stamboul tout entier, en ces jours, devient méconnaissable...

Quelques personnes de ma connaissance trouvent que ces promenades publiques du soir dans les rues leur rappellent l'ancienne coutume russe de mener les jeunes filles à marier à la promenade pour les faire voir aux prétendants et qui attirait toute la population dans les rues...

Je ne sais s'il en est ainsi en ce pays... J'ai cependant remarqué, qu'en ces douces soirées de Ramazan, les femmes turques se montrent plus hardies et plus entreprenantes... et que l'on a à user de circonspection avec elles... Je ne me souviens plus comment cela est arrivé... Dans une des ruelles écartées de Stamboul, non loin de la place de Bayazid, vivait un turc de mes amis, chez lequel j'allais souper les soirs de Ramazan, ou plutôt faire honneur à quelques mets de son pays, accompagnés de notre eau-de-vie russe de la marque «Smirnoff», qu'il conservait à mon intention spéciale, mais avait fini par goûter et approuver à son tour. C'est là l'une des victoires nationales que j'ai gagnées sur mon ami turc toujours aimable et prévenant.

Par une soirée semblable, dont la douceur éveille en moi avec une acuité plus vive la nostalgie mélancolique de la patrie et de la présence des chers absents, et où l'on ressent plus vivement son isolement au milieu de cette foule étrangère, j'avais quelque peu abusé de réconfortant fabriqué par Smirnoff, qui m'avait mis dans une disposition d'esprit où l'on se sent plus hardi et plus imaginatif. Je sentis involontairement... car, comme tu le sais, je possède parfois du don de prévoir les événements.. je sentis donc que quelque chose allait m'arriver. . Je ne savais ce que cela pourrait être, cependant je me souviens clairement de l'avoir ressenti."

Toutefois une vague inquiétude ne laissait pas de percer à travers la gaîtée factice et, sans contrainte dont j'avais assumé le rôle. .

C'est dans cet état d'esprit que je sortis dans la ruelle et me dirigeai rapidement vers la place où la fête du Ramazan battait son plein. . .

Il était près de minuit. La ruelle était encore fort silencieuse et écartée, à peu de distance des ruines. . .

Soudain, deux formes feminines se dressèrent devant moi, comme surgies de terre. Sévères et silencieuses, on les aurait prises pour deux statues de marbre noir, si leur taille élancée et leur marche harmonieuse n'avaient trahi leur jeunesse et leur distinction. . .

Je me décidai soudain. . . je ne sais plus ce que je leur dis, en me trouvant derrière elles. . . quelque banal compliment en langue française. . . et je sentis aussitôt mon coeur tressaillir et une inquiétude s'emparer de moi. . . et il me parut encore plus surprenant et inattendu de voir l'une d'elle, celle dont la taille était la plus haute et la plus svelte, se retourner pour me répondre à voix très basse, en français impeccable, quelques mots de remercîments, en me priant de n'avoir pas d'inquiétude à leur sujet, car elles n'avaient nullement peur. . .

Je sentis à la fois dans sa réponse une menace et une caresse, cependant, craignant une rencontre avec l'un de ces gardiens sevères de l'honneur oriental que sont les turcs, je n'eus pas le courage de me rapprocher davantage et me contentai de suivre de loin mes deux inconnues, espérant ainsi découvrir où elles habitaient. Nous longeâmes ainsi plusieurs de ces ruelles sombres et irrégulières de Stamboul, où il est si facile et si agréable de s'égarer, et pour justifier cette chance dont je t'ai parlé, pas un de ces turcs dont la mine sévère m'inspirait un invincible effroi ne vint se mettre au travers de mon chemin. . .

Arrivés devant la porte d'un somptueux hôtel, mes inconnues s'arrêtèrent et semblèrent attendre. . . Un éclair traversa mon esprit et je fis quelques pas de l'air

indifférent d'un passant qui poursuit sa route, tout en ayant soin de frôler les étrangères d'aussi près qu'il me fut permis d'entrevoir l'éclair malicieux de leurs yeux noirs et d'entendre l'une d'elles me murmurer: "Demain à la même heure, dans cette rue".

Je tressaillis... ma tête se troubla... je me retournai brusquement, prêt à tout oser. Ma folle témérité m'avait souvent été d'un secours précieux, mais la porte s'était ouverte soudain... les ombres se précipitèrent vers la lumière venant de l'intérieur et le lourd battant se referma aussitôt sur elles.

Tu ne peux te figurer, ma chère Katia, ce que j'éprouvai en cette minute... Si j'avais été en ce moment le maître d'un millier de vies humaines, je les aurais toutes jetées sans un regret, sans un frisson de remords, sous les pieds de ces deux mystérieuses femmes turques, s'il m'eut été donné par là d'arrêter la fuite du temps ne fût-ce que pour une seconde et murmurer ces seuls mots: "je vous aime"...

Mais le temps n'est pas indulgent aux situations romanesques et ne déroge jamais à ses habitudes. Il était, du reste trop pressé pour prendre égard aux rêves d'un poète...

J'errai toute la nuit comme un fou à travers Stamboul et ce n'est que vers midi que je retrouvai enfin le silence de mon appartement et goûtai quelques instants d'un sommeil inquiet.

Que signifiait tout cela? Touchais-je enfin au but vers lequel me conduisait ma destinée? Ou était-ce là une nouvelle épreuve qui m'était réservée? Une femme turque, bien vivante, et cet étrange rendez-vous que je ne pouvais m'expliquer.. et en même temps je ne sais quelle appréhension de l'avenir, tout cela était bien fait pour troubler mon repos.

Le soir était revenu, mais les heures traînaient indéfiniment et je maudissais la lenteur de leur marche.

A 11 heures précises, j'errais comme un insensé dans la ruelle mystérieuse, et une pensée plus absurde que l'autre, étreignait mon coeur, que cette attente incertaine faisait battre si violemment, que je craignais de le voir se briser. Mais bientôt.. bientôt deux ombres apparurent une fois de plus devant moi, et, passant tout près de moi, l'une d'elles me glissa fort habilement une enveloppe et me dit, sans s'arrêter: "Allez vous en... Ceci vous apprendra tout"..

Que signifiait encore cela? me demandai-je, et je m'empressai de me rendre chez mon aimable ami turc, afin de m'y livrer en paix à la découverte du nouveau mystère qui allait m'être révélé. Je n'oublierai j'amais l'émotion qui s'était emparée de moi à la lecture de cette première lettre qui m'était adressée par une femme turque en un français si doux...

Elle me disait dans cette lettre qu'elle savait que j'étais russe, qu'elle et sa compagne m'avaient souvent rencontré sur la place de Bayazid et qu'elles éprouvaient un vif désir de faire ma connaissance, mais ne savaient comment y arriver, car il est strictement interdit aux femmes turques d'adresser la parole aux infidèles...

Elles m'y priaient également, si je tenais bien réellement à faire leur connaissance, d'écrire poste restante à leur adresse conventionnelle... et en attendant, d'observer la plus grande circonspection sans chercher à les suivre, car, en ce cas, tout serait fini.

Cette lettre était signée du seul nom d'Eminé... Chère Hanem mystérieuse et lointaine, qu'il est triste de penser que tu ne connais même pas ton Effendi!..

Comprendras-tu, chère Katia, l'émotion qui s'empara de moi?... cette aventure surprenante m'intrigua au plus haut point... pour la première fois de ma vie mes connaissances de la langue française me servaient à quelque chose...

Bref, après un échange de lettres qui dura une semaine, un rendez-vous me fut assigné à la porte de l'un des cinémas de Péra, avec indication des signes qui me les feraient infailliblement reconnaître. D'ailleurs je les aurais reconnues au parfum d'ambre dont elles faisaient usage, mon parfum préféré, qui suffisait à lui seul pour me troubler la raison. Tandis qu'une série de tableaux que je remarquai à peine se succédaient devant nous sur l'écran aux sons d'une musique absurde, je disais tout bas à mes voisines la joie et l'émotion que j'éprouvais en leur présence... Elles me confièrent que leur père était un Pacha bien connu, après la mort duquel elles vivaient seules avec leur mère, déja avancée en âge et si sévère que sa moindre parole leur causait de l'émoi; elles me disaient encore que l'ennui de leur solitude leur pesait et d'autres choses de ce genre. Les deux heures que dura la séance se passèrent pour nous dans cette situation absurde. Je me pénétrais de plus en plus de la ressemblance qui existait entre ma plus proche voisine et Lydie... Je retrouvai cette ressemblance dans ses manières, dans le timbre de sa voix et même dans la séduction inconnue qui émanait de sa personne et s'emparait de tout mon être.

Je maudissais en mon coeur cette ville étrange où il est défendu d'aimer... et éprouvais un profond regret lorsque mes inconnues me prévenirent avec tristesse qu'il était temps de nous quitter, et qu'à ce moment, d'un geste rapide auquel je ne m'attendais pas, une main fine se tendit vers moi et me remit quelque chose...

Mais pendant que je luttais pour combattre mon désir de retenir entre mes mains les cinq doigts de cette main qui me brûlaient de leurs effluves magiques, pour baiser chacun d'eux séparément, les deux étrangères se levèrent et s'éloignant de l'air le plus calme et le plus indifférent, me laissèrent seul dans la salle obscure.

Je suis seul une fois de plus... une nouvelle lettre... une nouvelle épreuve et de nouvelles émotions...

Je me lève en toute hâte pour les suivre et, apercevant leurs silhouettes dans la rue, les accompagne de loin de mes bénédictions les plus tendres... j'entre ensuite dans le café le plus proche et apprends tout...

Car cette fois sa lettre, écrite avec une hésitation enfantine, une timidité et une crainte éxagérées, m'avoue son amour... Chère Eminé, tu as donc réussi, malgré tout, à lire et comprendre la supplication de l'amour écrite dans mes yeux. Mais moi je suis aveugle, car ton beau visage est dérobé à ma vue...

Je me laissai entraîner par mes rêveries et en vins même à prendre la résolution d'embrasser la religion musulmane, afin de lui prouver par cet acte la nature exceptionnelle de l'amour que je lui portais.

Le plus pénible était cependant de constater que notre prochaine rencontre était ajournée à une date indéfinie, dont je serais avisé par la poste restante."

Une longue semaine d'angoisse s'écoula ainsi pour moi dans une solitude complète...

J'avais même suspendu mes promenades du soir à travers les rues bruyantes et éclairées de Stamboul, craignant d'enfreindre ma parole... Mais, de mes inconnues, pas un mot... Que pouvait signifier ce silence?

N'avais-je été que le jouet d'une intrigue passagère, ou était-ce le procédé habituel d'un flirt oriental de nature toute spéciale? Dans la folie que je sentais me gagner, j'en arrivai à courir plusieurs fois par jour au bureau de poste, pour demander avec inquiétude s'il n'y était point arrivé de lettre à mon adresse, et chaque fois l'employé me répondait de ce ton calme et impassible, propre aux fonctionnaires: "Yok", ce qui, en turc, veut dire "non."

Et courroucé contre toute la nation turque et contre l'univers entier, je pris la décision de ne plus sortir de mon appartement et d'oublier la vision enchanteresse qui m'était apparue. Mais, s'il est facile de prendre des résolutions de ce genre, il est difficile de les exécuter et encore plus malaise d'oublier à son gré. Dès le lendemain, abandonnant mes résolutions, je m'empressai de courir au bureau de poste.

A ma grande surprise, contre toute attente, l'employé turc au visage impassible, m'ayant reconnu, me dit: "var effendi," c'est-à-dire "la lettre est là, monsieur."

A peine sorti dans la rue, je déchirai l'enveloppe d'une main fiévreuse et me plongeai dans la lecture de la lettre qui, cette fois, était fort longue, et dont je ne parvenai pas, dans l'agitation ou je me trouvais, à saisir le sens. Elle contenait des questions étranges de la part d'une femme turque, car elle exprimait des doutes, des remords même, relatifsà nos entrevues. La timide Eminé me demandait si j'avais aimé quelqu'un avant elle et si je n'avais pas promis à une autre, à l'une de mes compatriotes, de lui faire le don de ce cœur inquiet, si mon sentiment pour elle était bien sérieux, et si j'étais en état de lui en fournir des preuves... car, ajoutait-elle, celui qui se joue de l'amour d'une jeune fille, ne manquera pas d'être exposé à la vengeance d'Allah tout puissant au regard duquel rien n'échappe...

En dépit de la candeur apparente avec laquelle les questions semblaient être formulées, elles ne laissaient pas de provoquer en moi la sensation étrange que le cœur qui les avait dictées possédait déjà une certaine expérience et devait avoir connu l'amertume des illusions trahies, car il se dégageait de toute cette lettre comme une sorte de crainte supersticieuse ou un avis voilé... Mais celui qui aime, est inaccessible à la crainte... et, pour donner à Eminé une preuve de l'affection toute exclusive que je lui portais, je joignis à ma réponse un certificat du mollah, attestant de ma conversion à l'islamisme...

Je sais bien, chère Katia, que tu ne manqueras pas d'être surprise et frappée de voir le point auquel m'a conduit ma folie, car c'est mon amour pour cette mystérieuse inconnue qui m'a fait embrasser la religion de Mahomet.

Ne me juge point trop sévèrement, car lorsque tu sauras tout, tu te sentiras plus incline à pardonner à la folie de ton pauvre frère.

Quant à l'impression produite par le certificat rédigé en langue turque que j'avais joint à ma lettre, tu en jugeras par toi-même, car trois jours après je reçus une lettre m'assignant une nouvelle entrevue, mais dans des circonstances auxquelles j'étais si loin de m'attendre, que je commençai par me sentir interloqué, et ce n'est que graduellement que j'arrivai à me dire, que l'on n'échappe pas à sa destinée... car ce rendez-vous m'était assigné dans une automobile, tout-à-fait à l'américaine... Mais, puisqu'automobile il y a, va pour l'automobile! Peut-être au point de vue turc est-ce très bien porté... Quant à moi, j'avoue

que cette surprise me causa de la tristesse et m'inspira quelque inquiétude quant aux résultats possibles de cette entrevue. Je me demandai en vain si c'était là quelque espièglerie de ma belle turque ou un procédé en usage dans des cas spéciaux pour se voir à l'abri des regards curieux.

Je me souviens que ce jour était un mercredi, ... le 13 Août. Or, le nombre 13 a toujours été une date fatidique dans ma vie.

Tu sais, que c'est le 13 du mois de Juillet que j'avais fait la connaissance de Lydie, et que notre brouille a eu lieu le 13 Décembre ... Cette coincidence de dates ne cache-t-elle pas quelque nouveau mystère? Mais, me dis-je aussitôt, le passé est bien mort et ces souvenirs se ratachent à la Russie; or, nous sommes actuellement en Turquie et les dates y prennent une signification toute différente...

Tu jugeras de l'émotion que j'éprouvai dans l'attente de cette entrevue, par la circonstance que je me trouvai 3 heures à l'avance à Chichli, au lieu assigné pour notre entrevue, attendant le passage de l'auto N° 1213, qui devait s'arrêter devant le cimetière grec, sur la route de Maslak... afin de me permettre d'y monter... Quelle idée insensée... pourquoi choisir un cimetière ? N'est-ce point là un présage de mort ?...

Comme pour confirmer encore mes appréhensions, tandis que j'attendais l'arrivée de l'automobile jaune, une procession funèbre vint à passer devant moi une demi-heure avant le temps fixé pour notre entrevue.... Je frissonnai involontairement et cédant à ma superstition je renonçai au rendez-vous assigné... Mais une force étrangère à ma volonté, et qui semblait diriger toutes mes actions, m'obligea à attendre le cours des événements vers lesquels me conduisait ma destinée. Chaque fois que j'entendais le son haletant et la sirène d'une automobile mon attention éveillée se portait dans la direction d'où venait la voiture...

Non, ce n'est pas elle... cette automobile est noire... je consultais ma montre à des intervalles toujours plus fréquents...

Le moment assigné pour notre entrevue a été dépassé depuis une demi-heure, et l'automobile jaune n'a pas encore paru... Peut-être n'était-ce qu'une plaisanterie ? Mais l'on ne plaisante pas ainsi... Mon cœur le savait et le croyait fermement. Quoiqu'on fasse, l'on n'échappe ni à l'amour, ni à la mort, car ces deux sœurs qu'unit un lien étroit sauront partout retrouver leur victime, et toute résistance de la part de celle-ci ne serait que vaine.

Leur poison est doux, mais il donne la mort... Cependant, sans y avoir goûté, nul ne connaît la nature de ce poison et j'étais résolu de goûter une dernière fois à ce poison, préparé à la mode turque, afin de perdre à jamais le désir de la tentation...

A 6 heures 45, je m'en souviens bien exactement, l'automobile apparut enfin... Mon angoisse n'était pas moindre que celle d'un condamné à mort... Que m'apportait cette automobile jaune ?

L'amour ou la mort ?

Je n'eus pas le temps de formuler en moi-même cette question, que l'automobile jaune, ralentissant sa marche s'arrêta à la porte du saint lieu consacré au repos éternel.

Un chant de mort venant je ne sais d'où, frappa étrangement mon oreille. D'où provenait ce chant? Mais je n'avais pas le loisir de m'attarder à le découvrir.. Je me dirigeai d'un pas rapide vers l'automobile, dont j'ouvris la portière d'une main tremblante... une pénombre bleue et un parfum énivrant d'ambre... transportèrent mon coeur dans des régions lointaines... mes pensées se troublaient, tout le sang de mon coeur semblait battre dans mes tempes et il me paraissait qu'il suffirait de prolonger un moment de plus cette situation insensée, pour en interrompre les battements... Les moments pareils à ceux que je traversais, sont plus longs et plus compliqués que l'éternité elle-même ...

L'automobile, cependant, indifférente à toutes ces émotions, poursuivait sa course, balancée sur ses ressorts flexibles . . .

Mon émotion ne tarda pas à gagner Eminé Hanem, assise à l'écart dans un angle de la voiture, mais la femme étant, en amour, plus forte que l'homme, ce fut elle qui, d'un léger attouchement de sa main fine me rendit au sentiment de la réalité. Bien qu'elle parlât avec un trouble évident et par phrases entrecoupées, je compris qu'elle agissait sous l'empire de quelque force occulte ou d'une intention secrète, et la conscience de ce fait me faisait tout particulièrement appréhender les paroles qu'elle allait prononcer...

Je ne sais quelle force irrésistible me poussa à m'emparer de ses mains et les couvrir de baisers... Que pouvais-je encore ajouter? Et est-il encore besoin de paroles? Les baisers sont plus éloquents que tous les mots et leur langage se fait mieux comprendre ... Elle tremblait de tout son corps . . quand je prononçais son nom . . .

Chère, bien aimée Eminé . . .

Je ne me souviens plus de ce qui arriva ensuite... mon souvenir se trouble . . ses yeux étaient si rapprochés des miens, ses lèvres tremblaient si fort, que je

m'en aperçus en dépit de l'épaisseur de son voile... ce serait un acte sacrilège et indigne d'un homme d'honneur...

Plus près... toujours plus près... des éclairs cruels, des lèvres ardentes qui semblaient appeler les miennes... et mes lèvres ce collent au voile... nos mains s'enchaînent dans une étreinte de passion irrésistible...

Tout était arrivé d'une façon si inattendue que j'en ressentais au coeur une angoisse poignante... Cependant nous ne fûmes de longtemps desceller nos lèvres unies dans un baiser, en dépit du voile qui n'avait cessé de les séparer, en dépit de la sensation de douleur bien connue que me fit éprouver ce baiser à travers le voile et qui éveillait en moi un souvenir encore si proche et si vivant, que je me mis soudain à croire au retour des visions du passé... et que je vis surgir pour un moment en ma conscience, l'image froide et sévère de Lydie, que j'avais cru oubliée et qui, du fond de ma pensée, me regardait avec une froideur méprisante...

Mon trouble n'échappa pas à Eminé Hanem qui, obéissant à un mouvement de cette folie irraisonnée qui, chez les femmes semblables à elle, sommeille toujours dans les coins délicats de leur bouche, imprima une fois de plus, à travers son voile, un baiser ardent sur mes lèvres... je ne me rendis compte de ce qui venait de se passer, que lorsque l'automobile revint s'arrêter à la porte du cimetière et que j'entendis la voix d'Eminé me murmurer : " au revoir, mon bien aimé..."

Infiniment las, brisé par les courts moments que je venais de traverser, j'avais perdu toute notion de la réalité, et ne fus nullement surpris lorsque, la nuit tombée, le gardien du cimetière, m'ayant vu errer parmi les croix, me pria poliment de sortir de l'enceinte sacrée...

Des images confuses se succédaient, sans suite, en mon esprit... l'automobile jaune, Eminé Hanem, toute en noir... son baiser à travers le voile... et des tombes.. des tombes à l'infini...

Tu penses bien, Chère Katia, que je n'ai pu te retracer ici la centième partie de ce que j'ai eprouvé... d'autant plus que les paroles les plus profondes et les plus éloquentes n'auraient pas la force d'éclairer à tes yeux ces moments inoubliables.

Qui est-elle? Quels sont ses traits... je ne les connais pas et n'ai pu les voir... mais j'ai entendu le coeur de cette étrangère moduler pour moi, les accents d'un chant d'amour nouveau, qui n'appartient qu'à elle...

Et j'ai suivi ce chant, je me suis rendu à son appel, et après avoir entendu ces accents, nulle autre musique au monde ne me paraîtra digne d'être écoutée.. Car ce chant était celui de l'Amour et de la Mort...

Je ne sais plus comment ni à quelle heure je rentrai chez moi... ni comment je fis pour retrouver mon logis. Cependant ce qui me parut plus étrange et plus angoissant, ce fut d'entendre le lendemain matin, la fille de ma propriétaire frapper à ma porte pour me tendre une lettre...

De quelle part pouvait-elle venir? me demandais-je, car nul ne connait mon adresse et nul, même parmi mes amis les plus intimes, ne m'a encore visité dans mon refuge solitaire...

Cependant à l'écriture d'une nervosité fièvreuse qui m'était déjà connue, je ne tardais pas à voir que l'auteur de cette lettre était Eminé Hanem... Mais comment avait elle fait pour se procurer mon adresse?... Ceci restera éternellement pour moi un mystère...

Dans sa lettre brève, mais claire et précise, ma mystérieuse turque m'enjoignait de déménager immédiatement dans un autre appartement qui avait été retenu à mon intention et dont elle me communiquait l'adresse exacte, et de l'y attendre dans la soirée, car son fiancé l'ayant suivie, elle avait été contrainte à lui faire des aveux complets... Elle ajoutait qu'il était indispensable de trouver une issue à la situation, qui permettrait de nous sauver tous deux.

C'est bien une aventure digne de Sheherézade, me dis-je ; un conte oriental, aussi court que plein d'émotions: un baiser à travers un voile, à la suite duquel on est obligé de prendre des mesures en vue de se soustraire aussi bien qu'elle aux conséquences du courroux d'Allah...

Je résolus de négliger de m'occuper de mon salut, pour ne songer qu'à celui d'Eminé, fut-ce même au prix de ma vie...

Pauvre chère Hanem... les voies de l'amour sont semées de fleurs et de sang... de fleurs et de sang... et pour préserver les fleurs qui s'épanouissent sur ta route, je donnerai mon sang, s'il est nécessaire... Ne te laisse pas tourmenter par les soucis... nul n'échappe à sa destinée...

J'éprouvais une tristesse réelle à quitter la demeure calme et hospitalière où j'avais trouvé un refuge, et surtout à faire part de cette nouvelle à ma propriétaire qui m'avait entouré de soins maternels et pour laquelle le prix que je lui payai pour la location de ma chambre était une ressource d'existence... Désirant lui faire plaisir et la délivrer de tout souci, j'ajoutai au prix que je restai lui devoir celui d'une année de location, en lui faisant comprendre que c'était là un témoignage de ma reconnaissance... mais quelle ne fut pas ma surprise, quand, ayant compris mon intention, les yeux pleins de larmes, blessée de ce procédé russe de lui témoigner ma gratitude, elle me rendit l'argent que je

venais de lui donner... Bonne vieille... Etait-il dans mon intention de la blesser? Mais une femme turque place l'honneur bien au-dessus de l'argent. Je n'oublierai jamais son noble visage, plein de rides... Mais il est temps de me rendre à mon nouveau logis... à Kassim Pacha, à, Péra pour lequel j'ai toujours ne une aversion si prononcée... Mais le désir de la femme aimée a toujours été à mes yeux la suprême loi que l'on ne discute pas. J'exécutai donc, le cœur gros, tout ce qui m'avait été ordonné..

Ayant rejoint mon nouveau logis, je vis que j'y étais attendu et que mon arrivée n'y causait aucune surprise.

Eminé Hanem est cependant une femme expérimentée, qui sait imposer sa volonté. Si elle a voulu choisir Kassim Pacha, qu'il en soit ainsi, me dis-je, avec indifférence; et je tournai toutes mes pensées vers l'attente angoissée de la soirée qui, je l'espérai, devait m'élucider tout le mystère qui nous environnait.

Je craignais de penser à ce qui pouvait m'être réservé... Vos voies, Seigneur, sont incommensurables... Je me remets à Votre volonté, châtiez-moi ou accordez-moi Votre grâce, j'accepte tout, comme m'étant dû... Car nul ne sait d'où viendront le bonheur ou le malheur qui l'attendent... Je suis cependant las de me tourmenter par des appréhensions, c'est pourquoi j'attends avec résignation l'entrevue qui m'est assignée dans des circonstances nouvelles et inattendues, qui ne laissent pas de me remplir de mélancolie...

Les heures s'écoulaient avec une lenteur angoissante... La nuit vint sans m'apporter de sommeil, et pleine pour moi de sombres pressentiments... Les rayons du matin, lui succèdant, vinrent éclairer ma fenêtre de leur sourire bienfaisant; les heures étouffantes de la journée traînaient en longueur et les minutes indiquaient l'approche de l'heure où le mystère allait enfin m'être révêlé, affaiblissant ainsi le charme et la beauté qui parent à nos yeux l'inconnu...

L'heure arrive enfin...

Un léger coup à la porte... Elle entre et, fermant derrière elle la porte d'une main assurée, se dirige vers moi... Je me lève rapidement, m'empare de ses mains d'un mouvement fièvreux pour les porter à mes lèvres, mais elle m'écarte brusqnement et d'un ton calme m'invite à m'assoir et délibérer avec elle sur la situation qui vient d'être créée par les circonstances... Ce calme factice et son ton sévère de commandement commencèrent par me troubler, mais obéissant docilement à ses ordres,je pris un siége sans proférer une parole. Elle fit nerveusement quelques pas à travers la chambre et revint s'assoir en face de moi... Elle portait toujours une robe noire, de même qu'un voile épais, qui, cette fois, était encore plus impénétrable, de sorte que, malgré tous mes efforts, ce ne fut qu'à grand peine que j'arrivais à travers son épaisseur à découvrir la flamme à peine perceptible de son regard.

Quelques minutes sécoulèrent, pleines d'un silence pénible... puis enfin, Eminé Hanem, ayant rassemblé ses forces, m'adressa résolument la parole, sans que rien en elle put trahir qu'elle se souvenait de ce qui s'était passé entre nous...

"Avez vous jamais aimé quelqu'un?" me demanda elle avec un soupir...

« Oui » répondis-je laconiquement.

— « Et avez-vous cessé de l'aimer, ou bien votre sentiment n'était-il pas sérieux? continua Eminé. Je résolus aussitôt de répondre avec une sincérité absolue.

— « Je me suis efforcé de l'oublier...» je la vis soupirer à ces mots... « car celle que j'aimais a été injuste à mon égard, mais autant il l'est malaisé d'oublier que l'on a un cœur, autant il l'est de ne plus se souvenir de celle pour laquelle ce cœur a battu un jour... »

— « Quelle explication donnerez-vous en ce cas à votre conduite à mon égard? N'aviez-vous que l'intention de vous distraire? demanda-t-elle sur un ton de colère sourde...

— « Hanem... comment pouvez-vous parler ainsi... après... après notre dernière entrevue »...

— « Ne me rappelez jamais ce souvenir » dit-elle m'interrompant avec une certaine rudesse...

— « Ainsi, dis-je, vous n'êtes venue ici que pour me faire subir un interrogatoire dont le résultat vous permettra de prendre une décision...

— « Non, tel n'a pas été mon but... Ma décision est même déjà prise; je veux seulement apprendre à connaître de plus près l'homme auquel j'ai l'intention de confier ma destinée...

Ces paroles inattendues, prononcées d'une voix absolument calme, me jetèrent dans un certain trouble, et je sentis, que je perdais mon équilibre mental, car un abîme semblait séparer Eminé Hanem, telle quelle m'était apparue dans l'automobile, de la femme que je retrouvais en ce moment devant moi, et je me demandais en vain quand, cette fois ou l'autre, il m'avait été donné de connaître son personnage réel...

— « Où se trouve maintenant la jeune fille que vous aviez aimée? demanda-t-elle encore, continuant son interrogatoire...

— « Je l'ignore, répondis-je. Nos voies ont pris des directions différentes, et l'univers est si vaste qu'il

est peu probable de se retrouver sur les chemins que l'on a parcouru ensemble... du reste, une nouvelle rencontre ne nous aurait réservé que de l'amertume.

— « Soyez franc, absolument franc et sincère... Regardez-moi... Auriez-vous souhaité la revoir ? insista-t-elle.

— « A quoi bon ? fis-je après avoir réfléchi un moment; si l'on se sépare, c'est pour ne pas se retrouver... et de ma part, je ne crois pas au retour des rêves évanouis... elle connaissait trop bien mon cœur, pour se résoudre à le briser... mais puisqu'il en a pourtant été ainsi... que cette action reste à jamais sur sa conscience... elle s'est trop cruellement vengée de mes vers...

— « Vous devez cependant croire aux fantômes » dit-elle, passant soudain à un autre sujet, et j'entrevis dans ce procédé une ruse toute orientale destinée à surprendre ma sincérité...

— « Cette question n'a rien à faire avec votre enquête, repliquai-je, et je me mis à suivre tous ses mouvements... Elle se leva, fit quelques tours dans la chambre, semblant réfléchir... tout son être avait pris je ne sais quoi d'énigmatique qui l'enveloppait d'un charme nouveau... ses paroles me paraissaient le prélude d'une nouvelle ruse orientale mise en scène pour m'intriguer... Je regrettai une fois de plus que ses traits me fussent cachés...

Mon imagination ne parvenait pas à m'en faire une image... Elle se décida enfin à revenir vers moi et, m'adressant la parole d'une voix légèrement troublée, me demanda.

— « Il est donc bien établi que vous ne l'aimez plus et n'aimerez que moi ? Nul serment ne vous lie à elle... N'est-il pas vrai? Vous ne souhaiterez jamais la voir, lorsque vous serez avec moi ?... Attendez, ne me répondez pas... cela est inutile... fermez les yeux pendant une minute et restez seul avec votre conscience... et ne me répondez qu'après avoir réfléchi... » J'obéis instinctivement et, resté en tête à tête avec moi-même, sentis soudain toute l'horreur de ma situation... toutes mes pensées étaient brouillées au point que je ne savais pas ce que je pourrais lui dire... et je restais silencieux, attendant, les yeux fermés, l'arrêt de mon sort...

« Ne dites encore rien et n'ouvrez pas les yeux... mais ne vous reprochez jamais ce qui est arrivé... Vous possédez si bien le don de vous laisser entraîner par une passion idéale, que, de ma part, je n'oublierai jamais votre... baiser... à travers... le voile... dans l'automobile... mon bien aimé... je suis revenue à toi... regarde-moi.—

Mais bien que j'eusse ouvert les yeux, je ne voyais rien, car je ne croyais pas à la réalité de la vision qui était devant mes yeux, et l'émotion inattendue étant trop forte, je perdis connaissance...

Katia, Katia, essaye de comprendre l'horreur de ce qui venait de m'arriver... Dans la femme qui se tenait devant moi, le voile relevé, le visage en pleurs... dans Eminé Hanem, je reconnus Lydie...

Je ne me souviens plus de ce qui arriva ensuite... Elle était brusquement sortie, sans proférer une parole... Le lendemain, comme je reprenais à peine mes sens, j'entendis, vers 10 heures du soir frapper à ma porte et quelqu'un demander à entrer.

Un inconnu, coiffé d'un fez prononça mon nom et m'annonça d'un ton cauteleux, brouillant ses mots, un malheur était arrivé . . .

"Vous aurez à vous en occuper demain matin... Voici une lettre. Elle vous apprendra tout...

Tu peux te figurer, chère Katia, quelle impatience je mis à ouvrir cette lettre .. Je n'en retracerai pas le contenu .. car à ce seul souvenir mon cœur se serre d'une façon si poignante . . . Lorsque j'eus accompli tout ce qu'elle me demandait dans cette lettre, je rassemblai mes dernières forces pour répandre des fleurs sur sa tombe . . .

Ce n'est qu'alors que je compris toute l'horreur de ma douleur desespérée . . . Lydie était morte . . . et me priait de la faire inhumer selon le rite chrétien . . . En franchissant le seuil de la chambre où elle reposait dans son cercueil, dont on avait déjà cloué le couvercle, j'achevai de perdre la raison et me laissai aller à cette apathie complète qui est propre aux grandes douleurs . . .

La lettre m'avait mis au courant de tout le plan qu'elle avait imaginé pour se venger de moi, et qu'elle avait exécuté avec une adresse surprenante, mais dont la fin avait ébranlé ses forces et elle m'avait laissé désormais seul en face du secret de sa vengeance qu'il me restait à pénétrer . . . Pourquoi ? tu sais bien, Katia, combien Lydie m'était chère, et combien j'ai souffert de notre séparation . . . serait-ce pour avoir destiné à une autre les baisers que je lui donnais et m'être ainsi rendu coupable envers elle d'un affront qu'une femme ne peut pardonner ? . . .

Je me figure les efforts d'imagination auxquels elle a dû recourir afin d'entrer en qualité d'institutrice dans une famille turque, et, suivant à l'abri de son voile chacun de mes pas, jouer une comédie de rendez-vous que le plus grand acteur de génie n'aurait pas mieux exécutée . . . et finalement, à quoi bon ? pour que ses forces épuisées lui fassent quitter la scène avant le dénouement, me laissant seul à mes remords et à ma douleur . . . Quant aux tortures que j'endurai, tu les

connais déjà, et je puis en appeler au témoignage du turc si sympathique qui m'avait remis la lettre de Lydie, et qui n'était autre que le frère de la véritable Eminé Hanem, cette jeune fille dont Lydie avait été l'institutrice et qui l'avait accompagné au cinéma.

Il m'avait parlé longuement d'elle, mais l'amour qui perçait à travers chacune de ses paroles était si timide que j'en éprouvais un certain apaisement. Je lui confiai à mon tour la peine que je ressentais et lui fis le récit de nos entrevues dont il me parut vivement frappé et je le vis bien mécontenté...

Il était évident qu'il se sentait blessé dans son sentiment national... En ce moment même où j'achève cette lettre, il vient d'entrer chez moi, et attend en silence que j'aie terminé.

C'est de cette façon tragique que finit mon beau rêve oriental et que ma reine mystérieuse Eminé-Lydie, qui en avait été l'évocatrice, disparut d'une façon aussi subite qu'elle m'était apparue un soir à Stamboul.

Tu comprendras aisément que je ne saurais rester ici plus longtemps et quitte dans quelques jours Constantinople pour gagner ma deuxième patrie, ce Paris bruyant, où je compte me consacrer à mon travail littéraire, et les recherches que j'aurai à faire au fond des bibliothèques poudreuses me permettront peut-être d'oublier mon tragique baiser à travers le voile"...

Mon ami turc m'approuve et se propose même de m'accompagner. Il est sympathique et plein d'attentions.

Je ne sais, chère sœur, l'impression que ma lettre produira sur toi. Demande à Dieu de m'accorder les forces indispensables pour supporter ce nouveau coup si cruel de la destinée vengeresse...

Jc t'écrirai encore de Paris — je termine ici, en t'embrassant bien tendrement, ma bien-aimée Katia, seul être cher que je possède au monde.

Que Dieu te garde.

Ton frère Georges.

Infortuné poète, qui, fuyant Constantinople, était arrivé à Paris dans l'espoir d'y guérir les plaies saignantes de son cœur et y jouir du repos après toutes les vicissitudes éprouvées, la mort a sû te poursuivre jusqu'ici!... Le sens de la dernière lettre que tu m'avais adressée me devient clair désormais...

Il ne lui fût pas donné de goûter un long répit... Mais ce repos lui sera peut-être accordé dans le lieu où il se trouve désormais, et dont nul n'est encore revenu.

Ce n'est que par cette histoire que j'ai eu l'occasion d'apprendre à connaître le fonds inépuisable de ressources que possède la cruauté d'une vengeance féminine. Car la mort de Lydie et la scène avec son cercueil fermé n'étaient qu'une comédie aussi habilement exécutée que celle de l'automobile jaune... Ce que l'infortuné poète, confiant et trompé une fois de plus, avait porté en terre, n'avait pas la plus lointaine ressemblance avec la morte...mais la merveilleuse capitale de l'Orient en a vu bien d'autres...

Cependant, croyant à sa mort, il n'avait cessé de prier pour elle, et ce n'est que 40 jours après que s'étant rendu à l'église russe de la rue Daru pour y faire dire une messe funèbre, il se vit trompé une fois de plus dans ses sentiments et eût à subir une nouvelle vengeance de Lydie... bien vivante cette fois, qui s'approchant de lui, l'arrêta au moment où il commandait une messe funèbre, en le priant de ne pas faire dire de "*Requiem*„ pour une vivante... Son cœur ne fut plus en état de soutenir cette nouvelle épreuve... Rentré chez lui, dans sa chambre, et ayant rassemblé toutes ses forces, il mit fin d'une seule détente de son Browning, à tous les comptes qui lui restaient à régler avec la vie et le bonheur terrestre, se dérobant ainsi volontairement à toutes les fantasmagories et à tous les fantômes que l'on s'était plû à dresser sur son chemin.

J'ignore quelles furent ses derniers sentiments à l'égard de Lydie. Sa dernière lettre me fait cependant pressentir que l'adieu qu'il lui adressait en quittant ce monde était aussi tendre et aussi affectueux que celui qu'il envoyait à ses amis, car il lui avait écrit, à elle aussi... nul cependant ne connaît le contenu de cette lettre, dont Lydie a emporté le secret dans sa tombe: le fait, cependant. de l'avoir suivi d'aussi près dans les régions du mystére éternel, disent assez éloquement l'amour qu'elle continuait à lui porter et qui ne lui avait pas permis de survivre aux effets de sa nouvelle vengeance...

Peut-être, morte, aura-t-elle trouvé une autre félicité, après que la terre, ayant accompli son œuvre envers les amants, les avaient dérobés aux regards vivants du soleil radieux... A qui incombe la faute dans cette histoire? Ne jugeons pas les morts, car la mort reconcilie tout le monde, et mon récit est là pour vous convaincre une fois de plus que la voie de l'amour est semée de fleurs et de sang... de fleurs de sang...

GEORGES RYBINTZEFF.

Редакторъ-издатель В. СѢВЕРСКІЙ || Propriétaire et Rédacteur en chef B. SEVERSKY.

Cav. CALISTO VALPREDA & FIGLI

Agents & Représentants de Commerce

Directeurs Techniques de la:

Cooperativa di Consumo Italiana "Luigi Luzzatti"

GRAND'RUE DE PÉRA, N° 379

Siège Central, Bureaux et Dépôts : Cooperativa di Consumo Italiana, Téléphone : Péra 2411.

Cognac **SARTI**, Vermouth **BIANCHI**, Marsala **BORDONARO**, Vins de table, Champagne **BOSCA**, Champagne **DUFIN FILS & Co.**, Rhum **VELVET**, Ovos et liqueurs Barbieri Chianti **PIERO TELLINI**, Huile d'olive **BERIO**. **Conserves alimentaires :** légumes et salaisons de la **MAISON BIGONI E FRATELLI GUGLIELMINO**, sauce tomate. Saucisson de Milan, Mortadella de Bologna, Jambon et Filets de Porc des renommées Maisons **COLOMBINI et BONICELLI**. **Pâtes alimentaires FRANCOU** de Marseille et **MANZILLO** de Naples. Parmesan d'Italie. Chocolat Extra et articles fantaisie **DAVIT** de Turin. Meubles artistiques des fabriques confederées de Cantù (Italie). Vitres, cristaux, glaces, vitrages cathédrale, travaux artistiques sur cristal, suivant projet, exécutés par l'établissement **PIZZIRANI** de Bologna.

COMMANDES DIRECTES, MARCHANDISES SUR PLACE ET EN TRANSIT.

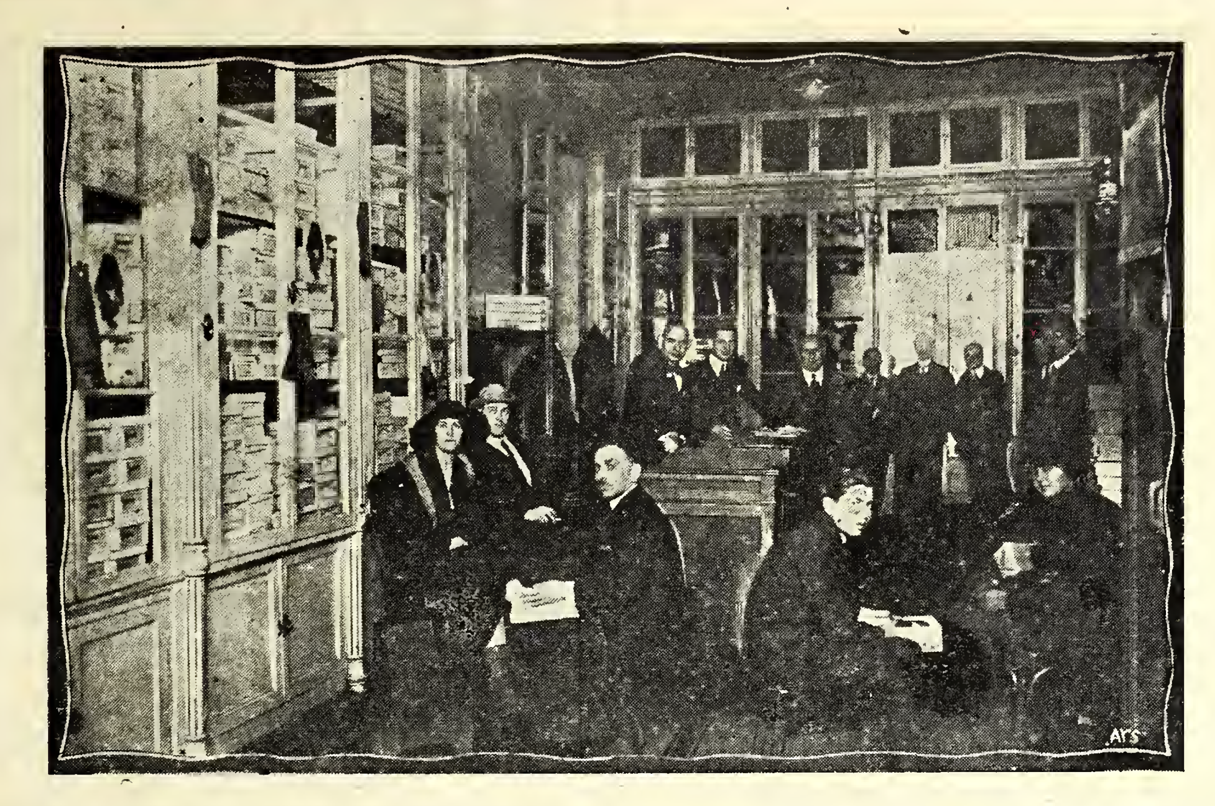
Tous nos produits sont exposés à la **Coopérative Italienne**, où un service spécial est institué pour satisfaire les demandes et renseignements du Public pour les ventes au détail et en gros.

ИТАЛЬЯНСКІЙ КООПЕРАТИВЪ

Большая улица Пера, № 379.

Столовыя и дессертныя вина, шампанскія, коньяки и ликеры лучшихъ марокъ. Питательныя консервы. Миланскія колбасы. Болонская мартаделла, итальянская ветчина. Шоколадъ. Художественная мебель. Всевозможныя издѣлія изъ стекла. Спеціальный этажъ — выставка всѣхъ имѣющихся товаровъ. Большой выборъ шляпъ. перчатокъ, чулокъ парфюмеріи и пр. Спеціальная доставка винъ и лучшей провизіи для ресторановъ по умѣреннымъ цѣнамъ.

ZELLITCH FRÈRES.

Послѣ пожара вновь открыта

КІЕВСКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ и БУЛОЧНАЯ

Б. Ул. Пера, 46, вблизи пл. Таксимъ

Въ роскошно отдѣланномъ въ арабскомъ стилѣ кафэ, ОТКРЫТЫМЪ КРУГЛЫЕ СУТКИ, можно въ любое время получить Кофэ, Чай, Шоколадъ, прохладительные напитки и большой выборъ горячихъ и холодныхъ закусокъ

Цѣны на все крайне умѣренные.

Бр. Ферахъ Заде.

1-я РУССКАЯ ПАРОВАЯ

КРАСИЛЬНЯ

и химическая пятновыводная

ЛЕРНЕРЪ

принимаются въ чистку и окраску всякаго рода костюмы и мѣха

ИСПОЛНЕНІЕ БЫСТРОЕ и АККУРАТНОЕ.

Фабрика: Пера, Тэкэ, № 593.

1er Etablissement Russe de teinturerie à vapeur et dégraissage chimique

LERNER

Nettoyage et teinture de vêtements et de fourrures de tout genre

Exécution rapide et consciencieuse

Prix défiant toute concurrence

PÉRA, TEKÉ, 593

SUCCURSALES:

Péra, Tarla-Bachi, Tchakmak Sokak 4, vis-à-vis le Caracol
Péra, Rue Caranfil, N° 2.
Péra, Yéni Tcharchi, Bostan Bachi, N° 96.

ПОСѢТИТЕ МАГАЗИНЫ

BAZAR DU LEVANT

Б. Ул. Перы.

Гдѣ Вы найдете богатый выборъ всякаго рода дамскихъ вязаныхъ издѣлій, предметовъ хозяйства мануфактуры, парфюмеріи, роскоши.

Все для подарковъ

ЦѢНЫ ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ.

Bazar du Levant

Société Anonyme

Grand'rue de Péra

Nouveautés en Etoffes pour Dames et au Nouveau Rayon

TAILLEUR POUR HOMMES

Grand choix de toutes sortes de Bonneteries pour Dames

objets de ménage, d'industrie, de luxe etc.

TOUT POUR CADEAUX

Prix hors concurrence

РУССКАЯ-ВОДКА
МОСКВА
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО НАШИ ДНИ

ВСѢ КЪ ЯРУ

ТОЛЬКО ТАМЪ ВСТРѢЧА ВСѢХЪ РУССКИХЪ

